

Григорий Шепелев

Последняя почка Наполеона

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Григорий Александрович Шепелев

Последняя почка Наполеона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34341578

SelfPub; 2024

Аннотация

Журналистка Танечка, подрабатывающая курьером, доставляет заказ человеку, который расследует тайну гибели группы Дятлова – девяти студентов, погибших при крайне загадочных обстоятельствах. Оказавшись в подъезде, Танечка обнаруживает, что дверь квартиры заказчика приоткрыта, а сам он мертв, притом его тело обезображено точно также, как был изуродован труп одного из тех девяти ребят. Соседка старика говорит Танечке, что полицию вызывать не нужно, поскольку это убийство никто не сможет раскрыть. Но журналистка сама берется за дело и идет к разгадке не только этой трагедии, но и гибели группы Дятлова.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	23
Глава четвёртая	37
Глава пятая	39
Глава шестая	54
Глава непронумерованная	67
Глава седьмая	73
Глава восьмая	79
Глава девятая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Григорий Шепелев

Последняя почка Наполеона

Все герои этой истории на страницах романа имеют вымышленные фамилии и имена. Любые их совпадения с именами и фамилиями реальных людей являются случайными.

Глава первая

В которой Таню и Веру знакомит дверь

– Перевал Дятлова? Да, я знаю, что там произошло.

Курьерская служба с аптечным пунктом располагались в подвале. Семь этажей над ним были заняты остальными отделами крупной фармацевтической фирмы. Спускаясь по крутой лестнице, Таня одеревеневшими пальцами пересчитывала купюры. Их было много. Она доставила семь заказов. Личная прибыль вышла с них смехотворная, потому что досталось ей Бирюлёво – одно из мест, где сдачу с курьеров требуют до копейки. В центре или на Ленинском ей, случалось, дарили по две-три сотни, даже если она опаздывала на час. В медвежьих углах подобное отношение было редкостью. А намёрзлась ужас – долго ждала автобусов и трамваев, долго блуждала по закоулкам дворов, где ветер ещё свирепее. На последнем адресе повезло. бодрая старушка, которая заказала Валокордин, напоила чаем с баранками. Это малость согрело. Но пришлось выдержать пытку фотоальбомом. Большие Танечкины глаза слипались, глядя на лица давно уж не существовавших людей, до которых давно уж не было никому никакого дела, кроме этой старушки. Голос её, бубнивший над самым ухом, напоминал стрекотание старой швейной машинки. Она в квартире имелась. Им хорошо жилось с

доброй бабкой. Было о чём стрекотать такими вот вечерами, когда в окно бьётся выюга.

Около двери с табличкой "Аптечный пункт" курили два фармацевта, Галина Дмитриевна и Лена. Были они примерно одного возраста – чуть за сорок, имели равное положение, отвечали на шутки шутками, и никто не знал, почему одну из них называли исключительно по имени-отчеству, а другую – только по имени. Таня, впрочем, ни разу не задавалась этим вопросом.

– Зря так спешила, – весело обратилась к ней Лена, глядя сквозь сизую пелену на её лицо с красными щеками, – у нас опять компьютер завис. Заказов – две сотни, а распечатать не можем.

– Да там нельзя было не спешить, – проскулила Таня, берясь за дверную ручку. – Мороз – под двадцать, да такой ветер ещё! Как дунет – слёзы из глаз! Никак не отвыкну от своего Ташкента.

– Странно, что ты смогла привыкнуть к нему! Я бы там, наверное, сдохла.

Галина Дмитриевна прибавила:

– Сейчас Лыткин тебя согреет.

Лыткин был одним из курьеров. Наглость, с которой этот двадцатилетний балбес, учившийся на юриста, не давал Тане проходу своими шутками, наводила всех на определённые мысли. Однако Таня не придавала значения разговорам. Гордо потряхнув рыжими, до плеч, волосами, которые выбива-

лись из-под зелёной шапки с помпоном, она решительно распахнула дверь. В небольшом и жарко натопленном помещении было шумно, так как курьеров скопилась целая дюжина, да притом одна молодёжь – студенты. Теснясь на длинной скамейке, парни и девушки без отрыва от болтовни разгадывали кроссворд. Вопросы читал им начальник смены, Юрий Георгиевич. Сидя перед столом с компьютером, он пил кофе. Заведующая аптечным пунктом, который был отделён стеклом, пыталась усовестить свой компьютер. Заказы шли на него. Когда Танечка вошла, расстёгивая пальто с рассыпанными по всем карманам деньгами, Юрий Георгиевич, потребовав тишины, зачитывал:

– Инструмент одного из чувств! Три буквы.

– Как три? – всерьёз возмутилась под общий хохот одна из девушек. – Неужели три? Они что, совсем с головой не дружат? Это ж газета, а не забор!

– Если это – первое, что пришло тебе в голову, я тебя поздравляю с правильным выбором института, – произнёс Лыткин, глядя на Таню. Та, стоя перед столом, вытаскивала из сумки бланки заказов и отдавала их Юрию Георгиевичу.

– При чём здесь мой институт? – не утихомирилась девушка.

– Да при том, что он называется Институт культуры. А ответ – нос.

– Как нос?

– Очень просто. Нос – орган чувства, которое называется

обонянием.

Стало тихо. Обведя взглядом лица коллег, один из которых оканчивал биофак, и прочтя на них озадаченность, благо нравная девушка не сочла разумным продолжать диспут. Юрий Георгиевич, тем временем, ввёл в компьютер номера выполненных заказов и назвал сумму. Взяв деньги, он их пересчитал, дал сдачу и расписался на каждой бланке, после чего вернул последние Танечке и спросил у неё:

– Ты сильно спешишь?

– Не очень. А что?

– Да заказов – море! Сейчас компьютер отвиснет, и мы зашьёмся. Возьми хоть парочку в свой район!

Таня призадумалась.

– Парочку?

– Да. Хотя бы. Ты где живёшь?

– На Преображенке, – дал ответ Лыткин, который всё про всех знал. – Квартира крутая, евроремонт. Диван не скрипит.

Сказав так, он вполосённо зажал себе рот ладонью – вот, мол, дурак, сболтнул лишнее! Молодняк заржал. Курильщицы-фармацевты, как раз возвращавшиеся из коридора, переглянулись и прошмыгнули в аптечный пункт с подчёркнутой деловитостью. Таня на каблуках повернулась к Лыткину.

– Идиот! Ты можешь свои дурацкие эротические фантазии не озвучивать?

– Подберём мы тебе на Преображенке заказы, – жёстко

удерживал обстановку в деловом русле Юрий Георгиевич, угнетаемый мыслью о предстоящем завале, – возмёшь без очереди.

Курьеры подняли шум. Но начальник смены им объяснил, что тот, кто брал утренние заказы, имеет право вечером очереди не ждать. Потом он предложил Тане кофе. Та отказалась. Сев как можно дальше от Лыткина, она вытащила из сумки учебник французского языка для ВУЗов и углубилась в один из первых параграфов. Языком она занималась самостоятельно – не с нуля, но без твёрдой базы, поскольку в школе у неё по французскому была тройка, и это было давно. Мотивацией для занятий служило обещание шефа отправить её посткором в Париж через год-другой. Сам шеф, как и его первый зам, Сергей Александрович, знал французский великолепно. Оба они помогали Тане с грамматикой.

Лыткин резался в карты с двумя девчонками. Остальные курьеры, среди которых нашлись сторонники и противники фирмы Apple, вели весьма агрессивный спор. Галдёж Танечке мешал. Она уж хотела выйти с учебником в коридор, где было накурено, зато тихо, но в этот миг её телефон вдруг подал сигнал. Она неохотно вышла на связь.

– Алло!

– Танька, хай! – ответил ей голос девушки. – Ты придёшь к нам сегодня?

– Трудно сказать. Мне тут ещё надо пару заказов взять, а их пока нет – компьютер завис. Если и приду, то часам к

одиннадцати, не раньше.

– Раньше и смысла нет! Короче, мы на репбазе будем, в Сокольниках. Ты ведь рядом живёшь!

– Да, рядом. Но у меня голова немножко болит. Настюха, вы можете не так сильно грузить меня своей музыкой, как в тот раз?

– Посмотрим. Как ты достала! Короче, ждём, если что.

Убрав телефон, Танечка увидела, что аптечный компьютер ожил. Из принтера выползали бланки заказов. Их было много. Курьеры молча следили, как Лена передаёт листы Юрию Георгиевичу и как он раскладывает их стопками сообразно веткам метро. Когда на столе оказался последний лист, Таня поинтересовалась, есть ли Преображенка.

– Преображенки нет, как ни странно, – ответил начальник смены. – Есть Фрунзенская. Она на одной с ней линии.

– На одной?

Взглянув на схему метро, приклеенную к стене, Таня приуныла.

– Да, на одной. Но очень уж далеко! А сколько заказов туда?

– Один.

– От метро – на транспорте?

– Нет, пешком. И довольно близко. Вторая Фрунзенская, дом девять, квартира тридцать один. Кстати, постоянный клиент!

– Я у него был, – припомнил один из ребят. – Смешной

старикан. Всегда даёт сотню сверху и предлагает чаю попить. Но он сумасшедший.

– Как сумасшедший? – с упавшим сердцем вскрикнула Таня. Взяв бланк, она прочитала: «Крупнов Владимир Евгеньевич. Адрес: Вторая Фрунзенская, дом девять, квартира тридцать один. Заказ: но-Шпа – две упаковки, аугментин – одна упаковка, линекс форте – две упаковки. Сумма заказа – шестьсот четыре рубля двадцать три копейки. Примечание: не забыть взять рецепт на аугментин».

Танечка растерянно опустила лист. Курьеры толпились вокруг стола и перебирали бланки заказов, споря, кто что возьмёт. Раздражённый чем-то Юрий Георгиевич интеллигентно ругался с кем-то по телефону. Студент, который был у Крупнова, ответил на удивлённый взгляд Тани:

– Ну, когда пьёшь с ним чай, он напрочь мозги выносит. Рассказывает про Дятлова.

– Про кого?

– Ты чего, не знаешь? Тоже мне, журналистка! Короче, лет пятьдесят назад или даже раньше девять студентов зимой отправились на Урал. Фамилия старшего была Дятлов. Они разбили палатку где-то в Тайге, на гребне горы, и ночью что-то случилось. Короче, их всех нашли в разных сторонах от палатки.

– Мёртвых?

– Да, мягко говоря. Они выглядели так, будто их слоны топтали ногами!

– У одного половина носа была отрезана, – вдруг вступила в разговор девушка, уже выбравшая заказы, в то время как остальные всё продолжали шуметь и ссориться из-за них. Танечка уставилась на неё.

– Ты тоже была у этого деда?

– Да, пару раз. Он меня запарил этой страшилкой! Всё говорил, что скоро, мол, докопается до разгадки. А мне во всей этой шняге неясно только одно: Почему они выбрались из палатки не через дверь – ну, не через выход, а боковину разрезали? Это странно.

– А остальное всё тебе ясно? – с иронией поинтересовался первый рассказчик, не торопившийся брать заказы. – Ну, просвети нас, как было дело!

– Да очень просто. Что-то их напугало... А, кстати, что-то их могло напугать со стороны выхода, потому они и разрезали боковину! Короче, что-то их напугало, они поэтому вылезли из палатки и побежали в разные стороны, а в тайге сразу заблудились, замёрзли, и их погрызли дикие звери.

Таню это объяснение отнюдь не удовлетворило, как и студента. Она задумалась. Вот тут Лыткин и произнёс, подходя к окошку аптеки с десятком бланков:

– Перевал Дятлова? Да я знаю, что там произошло!

– А ну, пошёл в задницу! – устремилась наперерез ему Таня. – Тебе ведь ясно сказали, что я без очереди беру!

– Лыткин, отойди от окошка! – прикрикнул Юрий Георгиевич. С ним Лыткин спорить не смел. Пока Галина Дмитри-

риевна собирала заказ на Фрунзенскую, он с серьёзным лицом отряхивал чистое пальто Тани сзади, чуть-чуть пониже спины. Таня отбивалась, хлопая его кожаными перчатками по дублёнке. Всем было весело наблюдать за ними.

– Лёха, зарежет! – предупредил один из студентов, изобразив на последнем слове горский акцент. – Как барана! Она ведь с чеченкой водится. А у той разговор короткий: кинжалом – чик, кишки вон!

– Но она сама-то ведь не чеченка, – Возразил Лыткин, – Да и кинжала нет, я пощупал.

Заказ, тем временем, был готов. Схватив его, Таня всем пожелала всего хорошего и поторопилась выйти на улицу. Ветер крепко обжёг ей щёки. Пришлось поднять воротник. Небо зеленело к морозу. Сияли редкие звёздочки. Миновав контрольно-пропускной пункт, Танечка услышала, как один охранник спросил другого:

– Вдул бы еврейке?

Другой ответил:

– Ей вдунешь! Самому вдунут. Она ведь с "Лиха Москвы"!

У Тани был выбор: либо направиться к перекрёстку, чтобы дождаться автобуса и проехать две остановки до метро "Волжская", либо пробежаться дворами, срезая путь. Она предпочла второй вариант.

Безлюдно, темно было во дворах, и ветер выл по-звериному. Но спокойно шла Танечка, потому что Лыткин ошибся –

нож у неё в кармане лежал. Складной, но немаленький. Без него ей было бы страшно входить в чужие подъезды и, уж тем более, в лифты с малоприятными мужиками. Ведь иногда вторично ждать лифта времени не было. Как-то Танечка показала нож Гюльчихре – единственной девушке из курьерской, с которой она сошлась более или менее коротко.

– Нож тебя не спасёт, – заверила Гюльчихра. – Если ты не хочешь, чтобы с тобой случилась беда, ничего не бойся.

Гюльчихре доверять вполне можно было – по основной работе она была врачом Скорой помощи и порой отправлялась на вызовы без напарника. Почти каждую смену ей приходилось откачивать наркоманов. Риск, которому подвергалась довольно хрупкая девушка, занимаясь этим, был, несомненно, очень велик.

Вот с этой-то Гюльчихрой Таня и повстречалась вблизи метро, издали увидев её в толпе возле остановки. Чеченка грызла белую шоколадку, облизывая растрескавшиеся губы и подняв плечи, чтоб шарф плотнее защищал горло от ветра.

– Шахерезада, привет! Ты с тремя заказами столько времени промоталась?

– Юра меня развёл, – пожаловалась охрипшим голосом Гюльчихра. – Сказал, три заказа на одной ветке. Угу! Один в Строгино, другой в Митино, третий – в Химках! Ты представляешь? Тебе оставить кусочек?

– Нет, не хочу. Ты зря решила вернуться.

– Заказов нет?

– Наоборот, много. Но все хорошие разобрали. Я взяла Фрунзенскую. Остались одни окраины.

– Если так, поеду домой. Завтра отчитаюсь.

Они спустились в метро. Гюльчихра снимала квартиру в Солнцево, так что было им по пути. В вагоне пришлось стоять.

– До кольца поедem? – спросила у своей спутницы Гюльчихра, стискивая поручень.

– Нет, зачем? Лучше до Крестьянской заставы. Там перескочим на Пролетарку. Быстрее будет.

На двух противоположных длинных сиденьях располагались болельщики «Спартака», которые возвращались с матча. Они общались между собой очень громким матом и пили пиво. Все прочие пассажиры косились на них опасливо. Гюльчихра начала рассказывать про свою последнюю смену:

– К бомжу на улице кто-то вызвал. Упал, ударился, сломал нос. Лежит, вся морда в крови. В машину его затаскиваем, а он кусается, сволочь! Руку мне прокусил. Оставить нельзя, замёрзнет. Пришлось ему спирту дать два глотка, чтобы успокоился.

– Твою мать! – воскликнула Таня. – Когда тебе надоест бомжей собирать по улицам? У тебя ведь красный диплом и родственники с деньгами! Шла бы в аспирантуру.

– Я на панель скорее пойду! Или в тубдиспансер.

Таня от удивления изогнула бровь.

– Это как понять?

– Какая аспирантура? – вдруг перешла чеченка на нервный тон. – И какие родственники? Я с русским парнем жила! Да если б они и были, родственники – я сдулась! Я не смогу нормально взять эту планку! Меня уже от всего тошнит! Кого я буду лечить? Я всех ненавижу! Бомжей – чуть меньше, чем остальных!

– Тогда ты права.

Голос Гюльчихры привлёк к ней внимание молодых болельщиков, и те стали высказываться на тему мультикультурализма. Их было много. Они были агрессивны. Таня, неплохо знавшая Гюльчихру, сжала её руку и повернулась к красным шарфам.

– Заткнитесь! Что вы себе позволяете? Она врач!

Это сообщение вдохновило некоторых спартаковцев на остроты. Большие глаза чеченки начали часто моргать. Кажется, она расплачется, как ребёнок. Но вместо этого она стиснула кулаки и очень решительно устремилась к дюжине недовольных ею парней. Танечка с трудом её удержала. Однако парни притихли. Вскоре они сделали попытку вернуться к прежнему разговору, но он у них не заладился. Молча Таня и Гюльчихра доехали до Крестьянской заставы и молча сделали пересадку. Потом – ещё одну. Когда поезд подъезжал к Фрунзенской, Гюльчихра сказала:

– Спасибо, Танька! Ты меня очень выручила.

– Да брось ты.

Поезд остановился, и Таня вышла. Фрунзенская не нра-

вилась ей – ни станция с её полутёмным залом и белым бюстиком, очень смахивающим на надгробный памятник, ни район – облезлые сталинские громадины, разделённые переулочками, идущими под уклон. Они как-то сдавливали сознание – будто сон, в котором надо спастись, а ты не можешь – ноги уже подчиняются не тебе, а тому, кто гонится за тобой. Перейдя проспект по гулкому подземелью, Танечка зашагала ко Второй Фрунзенской. Ей казалось – холод струится прямо из фонарей. Пронизывающий, синюшный холод. Прохожие обгоняли транспорт, заполонивший проспект. Спешила и Таня, хотя заказчик мог её ждать ещё целый час. Свернув в переулок, она направилась к набережной. Ветер от реки дул в лицо. Глаза заслезились. Цокая каблучками по тротуару, Таня поймала себя на том, что она не любит не только Фрунзенскую, но и вообще центральные районы столицы. Гораздо больше её привлекали окраины. Да, была некая загадочная романтика в этом: подняться морозным вечером из метро на какой-нибудь дальней станции, например – Коньково, Выхино, Пражская, сесть в автобус и час петлять по совсем незнакомым улицам и проспектам с унылыми фонарями, осознавая, что это всё, как ни странно, ещё Москва.

Не успела Таня войти во двор нужного ей дома, как телефон заиграл. Замедлив шаги возле гаражей, она извлекла его из кармана. Звонила Настя.

– Так тебя ждать? – спросила она.

– Да, ждите. Но умоляю, полегче с музыкой! У меня головная боль.

– Как ты задолбала!

Под фонарём у подъезда Таня достала из сумки бланк, чтобы посмотреть код. Войдя, она очутилась на крутой лестнице с лакированными перилами. Освещение было слабое. Поднимаясь на пятый, радиожурналистка согрелась. К концу подъёма она отметила, что дыхание у неё остаётся ровным. Да, трёхнедельная беготня по морозным улицам, несомненно, прибавила ей здоровья.

Стальная дверь с табличкой «31» была приоткрыта. Из щели падал на лестничную площадку свет. Постояв минуту в недоумении, Таня осторожно нажала кнопку звонка. Внутри зачирикало, а затем наступила полная тишина. Танечка звонила ещё два раза. Потом она позвала:

– Владимир Евгеньевич! Можно к вам?

Никто не откликнулся. Ситуация представлялась не только странной, но и тревожной. Пока Таня размышляла, как поступить, снизу вдруг донёсся лязг закрывающейся подъездной двери. А после этого начали приближаться шаги. Рыжей журналистке сделалось неудобно. Она привыкла к насторожённым взглядам в подъездах, хотя они её удивляли – Таня по праву считала своё лицо не только красивым, но и интеллигентным, однако в данный момент было от чего испытать неловкость. Перед открытой дверью чужой квартиры нормальному человеку топтаться, пожалуй, незачем. Впро-

чем, была слабая надежда на то, что Крупнов проснётся в ближайшие полминуты. Вполне могло оказаться, что человеку, шаги которого уже, кажется, миновали второй этаж, нужен либо третий, либо четвёртый. Но вскоре стало понятно, что объяснения с кем-то не избежать. Интересно, с кем?

По лестнице поднималась тонкая девушка со скрипичным футляром. Взойдя на пятый этаж, она оглядела Таню и обратилась к ней:

– Добрый вечер. Вы кто?

– Курьер из аптеки, – сказала Таня. – Крупнов Владимир Евгеньевич заказал лекарства. Но его, кажется, дома нет.

Скрипачка перевела большие внимательные глаза с Танечки на дверь, а затем – обратно. У неё была чёлочка, нос с горбинкой, тонкий рисунок рта. Голову она держала чуть наклонённой. Ей было около тридцати. Приталенное пальто подчёркивало классичность её фигуры. Постучав по полу каблучками, чтобы с ботиночек окончательно слетел снег, скрипачка спросила:

– А как вы отперли дверь?

– С помощью отмычки, – вздохнула Танечка, но, заметив, что музыкантша шутку не оценила, поторопилась прибавить: – Вы ненормальная? Повторяю вам, я – курьер из аптеки! Зачем мне отпирать дверь в чужую квартиру? Кончиком пальца не прикасалась я к этой двери!

– Я поняла. А что за лекарства вы ему привезли?

Танечка вновь вынула бланк заказа и прочитала названия.

По лицу скрипачки было заметно, что ни о чём они ей не говорят.

– Я живу вот здесь, – тронула она противоположную дверь. – Владимир Евгеньевич мне ни разу не говорил, что чем-то болеет.

– Ну, это уж с его стороны просто запредельная степень наглости, – начала терять терпение Танечка. – Я на вашем месте так разозлилась бы на него, что раз и навсегда перестала бы интересоваться его делами!

– Можно взглянуть на то, что вы привезли?

Танечка сдержалась. Достав из сумки заказ, она показала его скрипачке.

– Как вас зовут? – поинтересовалась та.

– Таня. Фамилия – Шельгенгауэр.

– Покажите бланк.

Эта просьба также была исполнена. Но скрипачка не успокоилась.

– Вы звонили в дверь? – спросила она.

– Конечно. Три раза.

– Откуда вы?

Таня растерялась.

– В смысле, откуда?

– Что непонятного? Вы москвичка? Паспорт у вас с собой? Дайте-ка взглянуть!

Вот это уж было слишком. В двух словах описав въедливой зануде всю глубину её бесполезности, тошнотворности

и маразма, Танечка вынула телефон с намерением сообщить в кол-центр о том, что заказ под номером 3317 доставить не удалось. Но въедливая особа вдруг повела себя крайне странно.

– Давай войдём, – сказала она и раскрыла дверь широко. Танечка попятилась, прижимая сумку и телефон к груди. Хозяин квартиры – а это был, несомненно, он, судя по пижаме и тапочкам, неподвижно лежал посреди прихожей. Под ним была огромная лужа крови. Носа у него почти не было.

Глава вторая

Без названия

Ого! Они на меня не смотрят! Причина этого смехотворна – нас разделяет труп с отрезанным носом. Они уставились на него. Таращат глаза. Поднимите взгляды! Вы что, не видели мертвецов? Ведь сказано вам: "Пусть мёртвые погребают мёртвых!" Но нет, пустота опять заслонила главное. Как обычно. Найдётся ли, в конце концов, тот, кто пренебрежёт ею и разглядит за ней то, что просто не может быть не увидено? Сомневаюсь. Они боятся того, что совсем не страшно, радуются тому, что не должно радовать, и тоскуют из-за того, что вовсе не имеет значения. Оторвите взгляды от трупа и поднимите их на меня! Вы, может быть, после этого не останетесь живы, но что такое ваша почти уж тридцатилетняя жизнь в сравнении с тем, что сможете вы увидеть? Нет, закрывают дверь.

Глава третья

В которой Верке понятно всё, а Танечке – ничего

Следующий поступок нудной скрипачки был уж не просто странным, а прямо-таки ошеломляющим. Очень тихо захлопнув дверь, она извлекла из кармана ключ, заперла её и, взглянув на качающуюся Таню, взволнованно прошептала:

– Я так и знала, что этим кончится, так и знала! Слушай меня! Никому – ни слова о том, что ты здесь увидела, потому что иначе тебя обвинят в убийстве! В аптеке скажешь, что он тебе не открыл и ты здесь задерживаться не стала. Всё поняла?

– Надо вызвать Скорую помощь! – на выдохе пропищала Таня. – Он, может быть, ещё жив! Нельзя его так оставить! Я не могу! Ведь я – журналистка с "Лиха Москвы"!

– Какое там жив! Ты видела, сколько крови? Весь коридор залит!

Танечка зашмыгала носом, не сводя глаз с музыкантши. Та, стараясь не грохотать, открыла мусоропровод и бросила в него ключ, сперва протерев последний перчаткой. Вынув другой, она отперла дверь своей квартиры и потянула Танечку за рукав.

– Входи!

Танечка упёрлась.

– Зачем? Откуда у тебя ключ от его квартиры? Кто ты такая?

– Я тут живу! Меня зовут Вера. Ты должна успокоиться, потому что иначе ты наломаешь дров! Там было убийство! Ясно тебе?

С этими словами скрипачка-таки втащила Таню в квартиру и очень тихо прикрыла дверь, которую после этого заперла на оба замка. Таня ничего не могла понять. Продолжая стискивать сумку и телефон, она опустилась на табуретку под вешалкой с двумя куртками. Её всю трясло. Скрипачка, тем временем, торопливо сняла пальто, затем – обувь и отнесла скрипку в комнату.

– Раздевайся, – сказала она, вернувшись.

Танечка подняла на неё глаза.

– Не буду! Мне холодно!

– Ну, как хочешь. Дай сюда телефон!

– Телефон? Зачем?

– Наберу Крупнову, чтобы в твоём телефоне был зафиксирован исходящий звонок ему. Потом ты сама позвонишь на свою работу и скажешь, что он тебе не открыл и трубку не взял.

– Для этого надо звонить в кол-центр, – сказала Таня, отдав скрипачке мобильник.

– Тебя там знают?

– Нет, я ни разу там не была. И даже, по-моему, не звонила туда ни разу.

– Отлично! Я позвоню сама. Дай мне бланк заказа.

Танечка отдала и бланк, и мобильник. Сделав звонок заказчику, на который тот, естественно, не ответил, Вера связалась с кол-центром фармацевтической фирмы, благо что номер был напечатан на бланке.

– Здравствуйте. Говорит курьер. Заказ номер три тысячи триста семнадцать мной не доставлен, так как заказчик не открыл дверь и на связь не вышел. Нет, я еду домой. Спасибо. Спокойной ночи.

Убрав мобильник и бланк, Танечка закрыла лицо руками. Она не плакала. Ей хотелось просто сидеть – ничего не видя, не слыша, и ни о чём не думая. Но скрипачка, сбегав куда-то и чем-то там погромев, совала ей что-то.

– Выпей! Ты обязательно должна выпить.

Радиожурналистка нехотя опустила руки. Ей предлагали бокал вина. Она его медленно осушила, и ей в лицо ударила кровь.

– Ой, как хорошо! А можно ещё?

– Да, можно. Только давай на кухню пройдем. Тебе придётся снять обувь, я утром мыла полы.

Танечка сняла и пальто. Кухня оказалась просторной, но бедновато обставленной. Сев к окну, в которое ветер бился как дикий зверь о прутья решётки, корреспондентка бросила взгляд в темноту двора и остро почувствовала ответный пристальный взгляд. Он не был приятным, и Таня перевела глаза на скрипачку. Та, стоя перед столом, заставленным

чашками, наполняя бокал вином. На ней были джинсы, свитер и вязаные носки. Её тонкий нос имел столь аристократичную форму, что газовая плита рядом с ним казалась камином, а холодильник – ворчливым, толстым лакеем. Она не стала пить с гостьей. Осведомилась, не хочет ли та поужинать. Торопливо опорожнив бокал, Таня прошептала:

– Спасибо, нет.

– А вот я ужасно голодная! Пей ещё, если хочешь. Я чуть-чуть выпью, когда немножко поем.

Открыв холодильник, Вера достала эмалированную кастрюлю и, водрузив её на плиту, зажгла под ней газ. По кухне растёкся запах борща. На другой конфорке скрипачка стала варить пельмени.

– Ты мне когда-нибудь объяснишь, что произошло? – пристала к ней Таня, выпив третий бокал. Скрипачка стояла к гостье спиной, помешивая пельмени.

– Произошло убийство.

– Это я знаю!

– А что ещё ты хочешь узнать?

– Да много чего! Во-первых, откуда у тебя ключ? Во-вторых, откуда спокойствие? В-третьих, ты ожидала, что он умрёт, не зная о том, что он чем-то болен! Как это объяснить? Наконец, в-четвёртых – зачем ты стала меня спасать? Я тебе – никто!

– Потому, что ты ни при чём, – ответила Вера, половником наливая в тарелку борщ. – Полгода назад Владимир Ев-

геньевич дал мне ключ от своей квартиры, сказав, что не исключает какого-то там несчастья, а у него, мол, никого нет ближе меня. Ты только не думай, что у нас были какие-то отношения, кроме чисто соседских! Мне двадцать девять, ему – семьдесят четыре. Просто он был совсем одиноким, а мы с ним время от времени пили чай.

– А он объяснил, какое несчастье может случиться?

– Да это было понятно без объяснения! Я ему говорила тысячу раз: "Не связывайтесь вы, Владимир Евгеньевич, с этими наркоманами! Ведь они вас убьют!" А он мне: "Плевать! Я правды добьюсь! Устроили здесь притон!"

Поставив на стол тарелку, Верка взяла из шкафчика ложку, из хлебницы – кусок белого и, усевшись, начала есть. Танечка, терзаясь мыслью о том, что за двумя стенами плавает в луже крови обезображенный труп, следила за ней не без отвращения.

– С наркоманами? Ты о чём, вообще, говоришь?

– Да я говорю о том, что женщина-инвалид из шестой квартиры распространяет наркотики! К ней сюда таскается шваль со всего района. Бабу эту крышуют и мафия, и менты. Владимир Евгеньевич писал жалобы, призывал жильцов поднять шум. Как-то раз бандиты ему сказали: "Ты, типа, не суй свой нос в чужие дела, не то мы егоотрежем!" Это было заявлено при свидетелях.

– И он всё же не успокоился?

– Нет, как видишь!

Дохлабав борщ, музыкантша вывалила в тарелку пельмени и налегла на них с неослабевающим аппетитом.

– Если бандиты ему при свидетелях угрожали отрезать нос, я точно была бы вне подозрений? – пробормотала Танечка с робким знаком вопроса. Скрипачке стало смешно.

– Ты что, моя дорогая, с луны свалилась? В квартире – труп с отрезанным носом, перед открытой дверью стоит какая-то девка, в данном подъезде не проживающая, и кто-то будет искать каких-то бандитов, имеющих совместный бизнес с полицией?

– Да уж, вряд ли, – признала Танечка, шмыгнув носом. – Слушай, а точно никто не знает, что он тебе отдал ключ?

– Нет, никто не знает. Да правильно я всё сделала, успокойся! Вошли, убили, взяли запасной ключ и заперли дверь за собой!

– Зачем? – воскликнула Таня. – Бандиты так бы не сделали никогда! Бандиты должны были поступить так, как и поступили на самом деле. Они специально оставили дверь открытой, чтоб труп был сразу же обнаружен и остальным жильцам неповадно было поднимать шум по поводу наркоты!

– Но если бы я не заперла дверь, ты бы не отмазалась и присела на десять лет, – напомнила Вера, добавив кетчуп в пельмени. – Так что, всё зашибись! Дня через четыре я сообщу ментам, что с моим соседом что-то стряслось – звонки не берёт, дверь не открывает. Менты дверь вышибут и полу-

чат сильное впечатление.

Танечку передёрнуло.

– Как ты можешь так ненасытно есть, думая о трупe? И почему ты ни капли не испугалась, когда увидела это?

– Нет, я немножко всё-таки испугалась, – запальчиво возразила Вера.

– Немножко?

– Да. Я ведь ожидала это увидеть! А потом, знаешь, мой первый парень работал в морге, и я ходила туда к нему по ночам. Такое там видела – ой-ой-ой!

Скрипачка залилась смехом, видимо, вспомнив нечто приятное. Уничтожив пельмени, она утёрла губы салфеточкой и наполнила два бокала.

– Теперь могу с тобой выпить. Как, ты сказала, зовут тебя? Танька, что ли?

– Да, Таня.

– Слушай, возьми хотя бы конфетку! Я не могу смотреть, когда просто пьют.

Она придвинула вазочку со вкусняшками. Журналистка взяла кусок мармелада. Когда бокалы были осушены, она поинтересовалась:

– Это твоя собственная квартира или снимаешь?

– Это квартира моего папы. Но он уехал надолго, и я пока тут живу. А ты где живёшь?

– На Преображенке.

– Одна?

– Сейчас – да, одна.

– Слушай, а ты правда на «Лихе Москвы» работаешь?

– Правда.

– Кем?

– Журналистом.

– И ты выходишь в эфир?

– Конечно. Я веду утреннюю программу, вечерние передачи с гостями и репортажи. Но три недели назад меня отстранили до февраля, и я от нечего делать пошла работать курьером.

Верка была ошеломлена.

– Тебя отстранили? И ты пошла работать курьером?

Таня кивнула.

– За что тебя отстранили?

– Ну, это долго рассказывать. И едва ли этот рассказ тебе не наскучит. Короче, было за что.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать семь.

– А мне двадцать девять.

– Ты уже говорила.

Хотя вино расслабило Таню, безоблачность собеседницы представлялась ей неуместной. Мармелад в горло не лез совсем. Скрипачка, тем временем, принесла вторую бутылку "Сангрия". Вынимая пробку, она успела без ложной скромности сообщить о том, что окончила академию Гнесиных, отказалась работать в Российском национальном оркестре,

была в финале международного конкурса скрипачей, а сейчас сотрудничает с одним знаменитым театром.

– Что за театр? – спросила Таня, думая о другом.

– Театр на Перовской.

– Где он находится?

– На Перовской.

Про этот театр Таня ни разу даже не слышала, о чём честно и заявила. Скрипачка этим ни капли не оскорбилась.

– Короче, есть такой театр. Я там работаю музыкантом. Билетов к нам не достать, но я как-нибудь тебя приглашу.

Танечка заверила, что придёт обязательно. Они выпили.

– А тебе Владимир Евгеньевич про Перевал Дятлова что-нибудь когда-нибудь говорил? – поинтересовалась Таня, ставя бокал.

– Конечно. Он мне почти каждый вечер выносил мозг этим Перевалом! Ведь он лет сорок назад работал геологом, сам там был. Но я, если честно, его особо не слушала. Почему ты спрашиваешь?

– Да как почему? Ты разве не знаешь, что одного из студентов, которые там погибли, нашли без носа?

Вера икнула.

– Ты намекаешь, что... Я не понимаю! При чём здесь это?

– Да как при чём? Твой сосед расследует загадочную, ужасную смерть девяти людей, один из которых был обнаружен без носа, и ты сегодня находишь также без носа его, своего соседа! Ты не считаешь правильным заострить на этом

внимание?

– Совпадение, – отмахнулась Верка. – Случайное совпадение.

– Совпадение с чем? С дурацкой угрозой или с историей группы Дятлова?

– Я не знаю, – смутилась Верка, как на экзамене. – Но сейчас мы посмотрим. Это недолго.

Сунув в рот леденец, она убежала в комнату и вернулась с планшетом. Включив его, зашла в Википедию.

– Так, посмотрим. История группы Дятлова! В январе одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года... группа студентов... Ага! Угу... Ого! Ух ты, блин! Без кончика носа! Но кости целы. А у другого – нет. Ой-ой-ой! Там были две девушки! Боковина палатки была разрезана. Ой! Ой! Ссылочка...

Танечка боролась со сном. Верка расплывалась в её глазах. Тяжесть в голове была не болезненная, приятная. Но куда-то ехать с такой клонящейся то в одну, то в другую сторону головой очень не хотелось. Хотелось лечь в тёплую постель и видеть какие угодно сны, пусть даже с отрезанными носами, но в метро – нет! Придётся, наверное, выпить кофе и взять такси. А что ещё делать? Не оставаться же здесь!

Скрипачка, тем временем, издавала довольно странные восклицания. Заострив на ней взгляд, Таня поняла, что ссылка была на порнографический сайт. Наблюдать за Веркой было очень смешно. Её лицо сделалось совсем детским.

Глаза сияли.

– Ты в первый раз видишь ...? – зевая, спросила у неё Танечка.

– Да, такой – в первый раз! Хочешь поглядеть?

Таня отказалась. В эту минуту её мобильник, лежавший перед ней на столе, заёрзал вибратором. Номер был незнакомым. Таня решила не брать звонок. Но что-то мешало ей оторвать глаза от дисплея. Где она всё же видела эти цифры в таком порядке? Ведь где-то видела, и недавно! И почти сразу болезненно запульсировало в висках внезапное озарение. Вскочив, Танечка протянула телефон Верке.

– Верка, смотри!

Скрипачка взглянула. И поднялась. Лицо её изменилось.

– Ой! Боже мой! Кошмар! Так значит, он жив? Это невозможно!

Таня вышла на связь.

– Алло!

Ей в ухо ударила тишина. Такой тишины она ещё никогда не слышала. От неё захватывало дыхание, как от взгляда вниз с большой высоты. Чувствуя себя в этой тишине такой же беспомощной, как сорвавшийся с высоты человек, Танечка нажала на сброс. Ледяные пальцы, стискивавшие её всю целиком подобно тому, как она сжимала сейчас мобильник, разжались. Однако холод остался.

Верка внимательно наблюдала. По спине Тани струился ледяной пот.

– Убийцы забрали его мобильник, – произнесла она, как только почувствовала, что может говорить внятно. – Решили выяснить, кто звонил.

– Это очень глупо с их стороны, – заметила Верка. – Предельно глупо.

– Так ты ведь сама сказала, что им на всё наплевать! Ладно, я пойду. У меня ещё сегодня дела.

С этими словами Таня направилась в коридор. Верка побежала за ней.

– Ты сейчас куда?

– Я сейчас к друзьям. Они меня пригласили на вечеринку.

– А можно я поеду с тобой?

Журналистка села на табуретку, чтобы надеть ботинки. Просьба ей показалась странной.

– Со мной? Зачем?

– Да как ты не понимаешь? Мне страшно здесь оставаться! Мне очень страшно! Слушай, я скрипку с собой возьму! Что за вечеринка без живой музыки? Если вы собираетесь в ресторане, я там зажгу нереально!

– Мы на репбазе будем тусить.

– Тем более! Так твои друзья – музыканты?

– Типа того. Панк-музыкой занимаются.

– Обалдеть! Я хочу послушать! Возьми меня!

Таня призадумалась. «Почему бы и нет? – решила она, завязывая шнурки. – Испортить всё это можно лишь одним способом – сделав всё это лучше. А от неё там лучше не бу-

дет, даже если она реально училась в Гнесинке!»

– Хорошо, – произнесла Таня вслух, – но ты оплатишь такси.

– Зачем нам такси? У меня машина, «Фольксваген Поло»! Ах, я ведь выпила... Ладно, Танька, договорились. Слушай, а можно я приму душ? У меня сегодня был маленький концерт в Пушкинском музее, и я ужасно вспотела!

– В десять минут уложишься?

Музыкантша взвизгнула утвердительно и закрылась в ванной. Пока она там плескалась, Танечка заказала такси через приложение, а потом набрала пару сообщений. Одно из них было следующего содержания: "Настенька, я приеду к вам не одна, а с очень смешной скрипачкой. Жди через час".

Вытираясь, Верка открыла дверь и спросила:

– А как ты познакомилась с ними?

– С кем?

– С панками!

– Через Аську.

– Ясно.

– Что тебе ясно? Аська – напарница Гюльчихры, с которой я скорефанилась три недели назад, в курьерской. Они на Скорой работают. Эта самая Ася откачивала одну из этих чувих. Там девушки, в основном. То есть, исключительно девушки.

– Они что, наркоманки?

– Нет. Её просто сильно избили.

– Кто?

– Православные. При поддержке полиции.

Верка вышла из ванной голая. Оставляя на полу мокрые следы, она проскользнула в комнату и оделась за три минуты.

– Класс, – одобрила Танечка, оглядев её в расклёшенных брюках и голубой жилеточке поверх чёрной блузки. – Это тебе идёт.

– Это барахло! Я его специально надела, чтоб было не так обидно, если меня ногами потопчут. Главное, чтобы скрипку не поломали.

Скрипка была вынута из шкафа, запертого на два замка. Пока Верка обувалась и надевала пальто, Танечка держала футляр с её инструментом, гадая, сколько он стоит. Вышли. Проходя мимо двери противоположной квартиры, на всякий случай прислушались. Мертвец вёл себя, как и полагается мертвецу.

Такси во дворе уже ожидало. Скрипачка села рядом с водителем и дала ему деньги сразу, кэшем, двести рублей приплатив. Журналистку это нисколько не удивило. Она уже поняла, что деньги у Верки есть.

Глава четвёртая

Без названия

Какой мороз! Какой ветер! Не верю я длинноносым. Хватило с меня тех двух. Один из них был пресыщенным лове-ласом, а другой – девственником. Но оба они прониклись ко мне нешуточной страстью. Оба решили меня надуть. У обоих были от этого неприятности. Одного зарыли чересчур поздно – спустя аж целых пятьдесят лет, а другого – рано. Они по-разному выразили протест. Первый не истлел, вто-рой ободрал изнутри весь гроб. Ну что ж, на здоровье! Я с тех пор знаю наверняка, что в носу заложен корень ковар-ства. Это уж точно. В этом меня не разубедить. И чем нос длиннее, тем корень тот основательней. Тот, кто сочинил по-весть "Нос", безусловно знал, о чём пишет. Сам нос искал, и не раз. Длинные носы склонны убегать от владельцев. Если коварство – главная часть природы последних, стало быть, нос – главная часть их тела. И длинный нос всегда впереди на целых полшага. Как тут не загордиться, не прицепить к поя-су шпажонку, не зайти в церковь? Нос он есть нос, особенно длинный. Но этот милый старик меня впечатлил! Вместили-ще корня – очень просторное, у меня аж кулаки сжались до белых пальцев! А корень где? Исключение? Да, случается и такое! Ну, не беда. Пусть не обижается. Не случится ничего

страшного, если в дверь войдёт сперва он, а не его нос. Главное, чтоб в дверь.

Глава пятая

В которой Танечка мракобесничает и вандалничает

– Да у вас будет минута, а то и меньше, пока менты к вам не подбегут! – долбил пивной банкой по подлокотнику кресла Лёнька. – Как за минуту вы проорёте целый роман в стихах? Вы протараторите только пару куплетов, а то и меньше! Да притом так, что никто не поймёт ни одного слова. Тексты должны быть ёмкими – раз, доступными – два! Одна основная мысль!

– Ты меня достал, – огрызнулась Настя. – Мы что, должны сочинять кричалки для стадиона? Их на заборе полно! Рисуя свои члены и не суди о поэзии!

– Ты тупая? Или опять накидалась Петькиными колёсами? Кто прошарит вашу поэзию? Те полсотни людей, которые будут поблизости, ничего не услышат и не запомнят! Что они будут потом искать в интернете?

– Лёнька, а ты debil, – вступилась за Настю Маша Анохина, длинными ноготками немелодично дёргая струны "Мартинеса". – Журналисты на что?

– Да "Лихо Москвы" вас первое обосрёт! Они ведь культурные, мать их в рот!

– Ты только что утверждал, что и мы ужасно культурные. Лёнька молча махнул рукой – дескать, дура дурой, хуже

подруги! Серёга Никонов покачал вихрастой башкой. Катя Синакевич хрустела чипсами, как всегда соглашаясь со всеми сразу. Они сидели в холле репбазы, очень жалея, что собрались. Настя Колокольникова, которая написала три текста песен, теперь сама разочаровалась в них, так как ясно видела отношение к этим текстам не только слушателей, то есть Серёги с Лёнькой, но и девчонок. Последние ей поддакивали без большого энтузиазма. Из ближней студии грохотал, как колёса поезда, тяжеляк. Это угнетало.

– Где вы блеснёте этим шедевром? – лениво спросил Серёга, вскрывая вторую банку.

– Ты про какой? – не поняла Настя.

– Да про последний, конечно! То, что было до этого, можно исполнять только на эшафоте во время четвертования, чтобы палачи сперва отрубили головы, потом – руки и ноги.

– А кстати, мысль! – воскликнула Маша. – На Лобном месте и выступим!

Настя с Катей внимательно на неё взглянули. Потом – одна на другую.

– На Лобном месте? – переспросила Настя.

– А почему бы и нет? Журналюг подтянем, трёх вокалисток, влезем с гитарами и зажём! А в Ютуб зальём студийную запись с этой картинкой.

– Дуры! Вас сволокнут оттуда через пятнадцать секунд, – заверил Серёга. – Думаете, менты на вас любоваться будут? Кабы вы там устроили оргию, как в музее недавно, вам дали

бы порезвиться. Но только молча.

– А если мы будем топлес? – задумчиво предложила Катя.

– Зимой? Ты через минуту загноешься, если тебя не избавит от этой участи пуля в лоб! Там – особо охраняемая зона, ясно? Вас примут не полицаи, а фэсэошка.

– Тогда в лесу надо выступать, на пне, – разозлилась Настя, взяв из пакетика пару чипсов. – Там, может быть, не примут.

– Конечно! И не мороженных кур трамбовать в пилотки, а живых ёжиков! – подхватила Маша. – Вот это будет мощный удар по Путину!

– А концепция? – заинтересовалась Катя под общий хохот.

– Что тебе непонятно? Пассивная оборона – это верный путь к поражению. Кстати, Лёнька! Надо поставить противотанковые ежи напротив Кремля.

Два парня всерьёз задумались.

– Со стороны Спасских ворот? – спросил Лёнька.

– А Путин въезжает там?

– Да, наверное.

– Значит, там!

– А как назовём?

– "Бунт ёжиков". Или что-нибудь в этом роде. Ну, типа, даже ежам всё ясно!

– Одну минуту, – достала Настя айфон. Зашла в интернет. Что-то набрала. Предостерегающим жестом подняла па-

лец. – "Ёж – хищный лесной зверёк, покрытый колючками". А, вот видите – хищный! Меня смущает то, что он хищник. Мы – пацифистская группа.

– Я думаю, есть ежи-вегетарианцы, – предположила Катя. – Они грибы едят.

– Класс! Ещё и грибы! – возликовал Лёнька. – Ежи-вегетарианцы и грибоеды! А ежи-геи есть? Если есть, ништяк! Их наверняка возмутит запрет пропаганды ЛГБТ. Бунтующие ежи-гомосексуалисты, объевшиеся грибов, сольются с бунтующими малышками!

– А ты будешь контрацептивом, – предупредил Серёга.

– А ты кем будешь?

– Он будет жертвой аборта, – бросила Настя. – Если серьёзно, то мне идея эта понравилась. Надо как-нибудь недвусмысленно дать понять, что наши ежи – не хищники. Пусть они бунтуют, например, против браконьерства чиновников.

– Ага, – усмехнулась Маша, – и все подумают, что ежи защищают свой кусок мяса!

Настя задумалась.

– Как же быть?

– Да элементарно, – бросил Серёга. – Вольтер сказал: "Мне очень не нравится то, что вы говорите, но я готов отдать жизнь за то, чтобы вы могли это говорить!"

– И что?

– Мы не разделяем взгляды ежей по некоторым вопросам, но мы готовы им помогать.

– По некоторым вопросам? Слушай, но это – принципиальный вопрос! Знаешь поговорку – против собак волков не зови?

– Мы против волков позовём лисичку, – сказала Маша, глядя куда-то вдаль, и вдруг заиграла бравурный марш на двух струнах. – Вот она, уже здесь! Рыжая лисичка.

Все повернулись к ресепшену и увидели Таню. Она шла по коридору к ним. Ей сопутствовала худая, темноволосая девушка с чуть склонённой к левому плечу головой, большими глазами и носиком, на который взглянул бы с завистью Арамис. Она несла скрипку.

– Вера, – представила свою спутницу Таня, когда они подошли. Бунтари уставились на скрипачку. Та улыбнулась им.

– Добрый вечер.

– Привет, – откликнулась Настя и захрустела чипсом. Обе её подруги и два художника продолжали молча таращиться. Неприязненно ощущая холод этого затянувшегося безмолвия, Таня села в одно из свободных кресел. У неё ныли стопы, натруженные ходьбой. Она сняла обувь и положила ноги на стул, который стоял прямо перед нею. Серёга подал ей банку пива. Тяжёлый рок продолжал сотрясать подвал.

– Вы ведь панки, да? – уточнила Верка, также присев и не выпуская из рук футляра. – Я потому захотела с вами провести время, что много знаю о панках. Панки ведь не хардрокеры! К тем, конечно, ни на какой козе не подъедешь. А вы – ребята вполне открытые для общения.

– Как меня задолбали эти штампованные, тупые стереотипы, – вздохнула Катя. Маша, давя зевок, ритмично забарабанила по гитаре пальцами и взглянула на Верку, как на раздавленного клопа.

– Это был с твоей стороны вопрос или утверждение?

– Это было предположение.

– Ты скрипачка?

– Скрипачка.

– Тогда, конечно, ты со своим абсолютным слухом и абсолютно стереотипным мышлением скажешь нам, что панки не попадают в две ноты из десяти, и как наглядный пример приведешь "Sex Pistols"! А я тебе как обратный пример приведу "Off Spring".

– Да я со своим абсолютным слухом и про "Off Spring" много интересного расскажу, – улыбнулась Верка. – Две ноты из десяти для них не предел.

Лёнька рассмеялся.

– Две ноты из десяти? Куда им до наших маленьких беспредельщиц! Они в две ноты, наоборот, попадают, а в восемь – нет!

– Лёничка, заткнись, – мяукнула Настя. – В мурло-то я ни одного раза не промахнусь! Ведь ты меня знаешь. Танечка! У тебя колготки уже протёрлись на пятках.

– За один день протираются, – проворчала Таня, сделав глоток из банки. – Пешком хожу знаешь сколько?

– А ты нормальная?

– В смысле?

– Ты для чего окончила МГУ? Чтоб ходить пешком?

– А ты для чего МГУ окончила? Чтоб мороженных кур совать себе в одно место и получать от ментов резиновыми дубинками по другому?

Лёнька поднялся.

– Пойдём, Серёга, покурим! Девочкам нужно срочно расквасить друг другу морды. Мы им мешаем.

Серёга не возражал. Поглядев им вслед, Настя Колокольникова опять обратилась с вопросом к Тане:

– Скажи мне, рыжая задница, она пиво пьёт?

– Кто?

– Скрипачка твоя.

– Спроси об этом её.

– Я спрашиваю тебя, потому что ты это знаешь лучше! Ведь ты всегда всё знаешь лучше других. Тебе объясняли миллион раз, что акционизм – это самый древний и самый зрелищный вид искусства! А ты опять за своё?

– Есть одна проблема, – сказала Таня, зевая. – Древний акционизм был понятен всем. А ты этой курицей между ног кому раскрыла глаза?

– Да ты чушь несёшь! Коперник при жизни многим раскрыл глаза? Прошло двести лет, прежде чем глаза стали открываться!

– Опять проблема. То, с чем ты борешься, даже без твоей мороженной курицы двести лет не протянет – в отличие от

той лжи, которую опроверг Коперник! Если ты хочешь стать победителем этой подлости – бей наотмашь, чтобы у всех искры из глаз посыпались и зубы повывлетали! Сразу! У всех! При чём здесь мёртвая курица?

– Подлость вечна, – не согласилась Маша Анохина. – И когда-нибудь, через двести лет или раньше, мёртвая курица её клюнет.

– А толку что, если она – вечна?

– Приехали, твою мать! – хохотнула Настя, но сразу же посерьёзнела. – Нет, моя дорогая, тут ты меня уже не запутаешь! Состояние обречённости – это идеальное состояние. Только тот свободен, кто движется в никуда! Это совпадает с концепцией Кастанеды.

– Банальность! – взвизгнула Таня. – Ты говоришь мне об обречённости стать скотиной! Нельзя идти в никуда, не отключив мозг!

Верка попыталась пресечь нелепый конфликт.

– Да, я пиво пью, – напомнила она о себе. – И дайте мне чипсов.

Ей дали то, что она просила. Страсти утихли. Она решила развить успех.

– Я, кажется, всех вас знаю по именам. В интернете видела. Вы с этими двумя мальчиками – арт-группа "Блиндаж", а без них – панк-группа "Бунтующие малышки"! Но вы, по моему, собрались не в полном составе. Вас ведь человек сорок?

– Больше их, больше, – сказала Таня, до крайней степени раздражённая неуместным упоминанием Кастанеды. Лучше бы эти суки взяли себе в сторонники Шопенгауэра, ей-богу!

– Она права, – внезапно заговорила самая молчаливая из подруг, мотнув головой на Таню, – у нас беда с креативностью. Вот у Лёньки – нормально, с синим ведром на башке по машинам бегают! А у Петьки Павленского вообще зашибись – зашил себе рот, обмотался колючей проволокой, и что хотите с ним делайте – хоть сажайте, хоть бейте, хоть убивайте! Чем ты его напугаешь, если он сам зашил себе рот и колючей проволокой обмотался? А у нас что? Вообще ничего! Нам необходим креативный ход.

– Если тебе есть что сказать, а пиплу есть что услышать, тебя услышат, – заверила Катю Маша. – Проблема в том, что никто не хочет ничего слышать. Люди – под наркотой. Под идеологической наркотой! Машина по производству дебилов работает безотказно.

– А вам не кажется, что в дебилах надо пробуждать чувство стыда за то, что они – дебилы? – спросила Таня. Бунтарки недоумённо переглянулись.

– А мы что делаем, интересно? – пожалала плечами Настя. – Мы вроде бы только этим и занимаемся!

– Становясь подобными им? Настя, Катя, Маша! Карикатура должна быть смешнее оригинала. А вам за ним не угнаться! Вот в чём беда.

Настя рассмеялась.

– Какой снобизм! Какое высокомерие! Так мы что, на скрипках должны играть, как твоя подруга? Да, да, я знаю, что ты мне скажешь: когда играл Паганини, дебилы плакали!

– И теряли сознание.

– От стыда?

– Конечно! Возможно, я ошибаюсь, но только мне почему-то кажется, что они приходили в себя другими людьми. Человеку надо напоминать о том, что он – подобие Бога. При чём здесь курица между ног?

Маша, сев с гитарою поудобнее, попыталась сыграть каприс Паганини. Дальше первых трёх тактов она продвинуться не смогла.

– Отлично, – сказала Верка. – А можно я на скрипке попробую?

– Ой, не надо, – сморщила Настя носик. – Мы все тут упадём в обморок! Мы забыли о том, что нас создал Бог. Уж очень давно попы не вдалбливали нам эту светлую мысль всей мощью госпропаганды! Но это, видимо, впереди.

– А кстати, сын Паганини пятьдесят лет возил гроб с его телом по всей Европе, так как попы хоронить его запрещали, – вспомнила Маша. – Они считали, что он продал душу дьяволу.

– Почему они так считали? – спросила Катя.

– Так он играл.

Катя изумилась.

– Странные люди эти попы! Меня иногда просто возму-

щает их поведение. Что они себе позволяют? Ведь это просто дикость какая-то! Это просто неадекватность! А ещё учат кого-то жить!

– Вот так он играл, – рассеянно повторила Маша и вновь задёрнула струны, пытаясь изобразить самую головокружительную мелодию легендарного скрипача. Тут уж Верка встала, отщёлкнув замочки футляра.

– Мать твою драть! Он так не играл! Он играл вот так.

Положив раскрытый футляр на кресло, она достала смычок, затем – скрипку, выставила вперёд на полшага левую ногу и, вскинув скрипку на узенькое плечо, стремительно пробежалась по ней пассажем из "Рондо Каприччиозо" Сен-Санса. И стало тихо. Стало вдруг очень тихо, поскольку рокеры в зале разом остановили свою игру. Верка опустила смычок.

– Это что такое? – спросила Настя.

– Это Камиль Сен-Санс.

– А где Паганини?

– Вот он.

Голос у скрипки был очень сильным. Двадцать четвёртый каприс заполнил репбазу как ураган, ворвавшийся во все щели. Таня сжимала пальцами подлокотники кресла, будто боясь быть сдутой с него этим ураганом. Ей приходилось не раз бывать на концертах прославленных скрипачей, но там впечатления размывались официозом и ожиданием большего. То, что она услышала и увидела здесь, в узком коридоре ре-

пбазы, ошеломило её. Наивное лицо Верки во время её игры было изумительным, как лицо человека, который вполне сознательно, добровольно идёт на смерть. Она не водила, она хлестала смычком по струнам, дёргая углом рта и глядя в несуществующее пространство. Это был поразительный, завораживающий взгляд. Хардрокеры вышли, оставив в зале свои гитары. Их было человек семь. С другой стороны подбежали девушки из ресепшена. За их спинами возвышались Лёнька с Серёгой и три охранника.

Звук, с которым скрипачка вытянула смычком двойную финальную ноту, заставил Таню похолодеть. Это был крик боли, вырванный из самого сердца скрипки, к которому прикоснуться мог только тот, кого поцеловал Бог. И эта мольба волшебного инструмента так раздавила всех, что, когда он был снят с плеча, никто не издал ни одного звука, не сделал ни одного движения. Это длилось минуту. Верка, досадуя, стёрла с носа капельку пота и уложила смычок со скрипкой в футляр. Тут Таня заплодировала, хотя и предполагала, что это будет здесь необычно. Однако к ней присоединились все, кроме Лёньки. Он, быстро вынув блокнот и маркер, несколькими штрихами что-то нарисовал. Когда овации стихли, один из рокеров попросил:

– Сыграй что-нибудь ещё!

– Нет, я не могу, – вдруг засуетилась скрипачка, сдёргивая со спинки кресла пальто. Зачем-то взглянув на Таню, как будто та могла её укрепить в принятом решении или, наобо-

рот, отменить его, она более твёрдым голосом повторила: – Я не могу! Простите.

Хардрокеры и работники репетиционной базы, чуть постояв, вернулись к своим занятиям.

– Ты уже покидаешь нас? – поинтересовалась Настя, следя, как Верка застёгивает пальто.

– Да, надо идти. Хотела посидеть дольше, но...

– Поедешь домой? – перебила Таня. Верка опять на неё взглянула, ещё более растерянно. Согнув ноги в коленях и зацепив пальцами край стула, Таня сказала ей:

– Слушай, я ведь живу одна! Ночуй у меня. Но только давай посидим ещё пять минут. Я очень устала.

– Слушай, я тоже живу один! – пылко подступил к скрипачке Серёга. – И я совсем не устал! Можем ко мне двинуть прямо сейчас!

– Почему к тебе? – вознегодовал Лёнька. – Я, между прочим, раньше тебя её захотел! Не веришь? Смотри!

Вновь достав блокнот, он выдернул из него листочек с рисунком и протянул его другу. Листок пошёл по рукам, вызывая смех. Дошёл и до Верки. Та покраснела и начала негромко сопеть, увидев себя в чём мать родила, сидящей на корточках перед Лёнькой. Черты лица были переданы с оскорбительной точностью, как и некоторые нюансы фигуры. Довольное лицо Лёньки также имело близкое сходство с оригиналом. За остальное, естественно, поручиться было нельзя.

– Большое спасибо, – пробормотала скрипачка, под об-

щий хохот с брезгливостью возвращая рисунок автору. – Молодец! Мне очень приятно.

– Как может быть такое приятно? – взвизгнула Маша. – Фу! Извращенка!

– У Лёньки! Фу! – вторила ей Катя.

– Лёнька, а ты зачем такой большой член себе прихерачил? – орал Серёга. – Что она скажет, когда увидит вместо него пипетку?

– Сними штаны и послушай, что она скажет, – дал Лёнька сдачи. Верка молящим взглядом поторопила Таню, и та, вскочив, устремилась к Лёньке. Тот побежал, но радиожурналистка, топая пятками, догнала, отняла рисунок и, разорвав его, принялась дубасить художника кулаками. Он не сопротивлялся, только увёртывался. Панк-рокерши ликовали. Настя и Катя, взяв каждая по ботинку Тани, швырнули их со всей силы в Лёньку. Обе попали. Это привело Лёньку в ярость. Отпрыгнув, он заорал:

– Вы что, идиотки? Мы за что боремся? За свободу творчества и свободу слова! Рисовать можно всё!

– В том числе фингалы на твоей роже! – развил идею Серёга. Но Лёнькин довод Танечке показался более убедительным. Надевая ботинки, она промолвила:

– Сволочи! Полчаса посидеть спокойно не дали! Больше к вам Верку не привезу. Отдам её Путину. Думаю, что его она вразумит скорее!

После ухода Тани и Верки веселье кончилось.

– Если вам не нравятся мои тексты, попробуйте написать свои, – предложила Настя соратницам. Те задумались.

– Я возьму псевдоним Гипатия Александрийская, – объявила Маша, вскрыв банку пива, которое слегка выплеснулось наружу брызгами. – Пусть попы за мной погоняются!

– Ты уверена, что они за тысячу семьсот лет ни капли не поумнели? – съязвила Настя. – Лучше уж назовись Марией Магдалиной или Марией Клеоповой! Вот за ними точно пойдёт охота.

Катя молчала. Она не знала, какой избрать псевдоним. Лёнька и Серёга переглянулись. Последний сразу выдал экспромт:

– Вы как угодно назовитесь, но не пишите, а ...!

– А не прикажешь ли с тобой? – усмехнулась Маша. Все ждали от неё продолжения, догадавшись, какая прозвучит рифма, но креативная девушка приумолкла, решив не уподобляться Танечке.

Глава шестая

В которой всё решается монтировкой

Открыла Гюльчихре девушка. Из квартиры пахло табачной затхлостью, от которой можно избавиться, только выбросив на помойку всё и сменив обои. Из глубины квартиры раскатисто доносился храп – мужской, богатырский. Ближе слышались не то стоны, не то рычание. Эти звуки принадлежали женщине. Странно было видеть здесь эту девушку – очень тонкую, очень бледную, с голубыми ангельскими глазами, которые ничего не видели. Гюльчихра заметила это сразу.

– Доброе утро, – произнесла она. – Я врач Скорой помощи.

Она так обычно не представлялась – либо сухо бросала: "Скорая помощь", либо входила молча, так как её панически торопили. Посторонившись, чтобы пропустить Гюльчихру, слепая сказала:

– Здравствуйте. Извините, что я помедлила. Я не вижу.

– Вижу.

Дверь Гюльчихра закрыла сама. Поставив саквояж на пол, она сняла пуховик, после чего девушка, двигаясь будто зрячая, повела её в комнату, из которой слышались не то стоны, не то рычание.

– А кто там? – спросила у неё Гюльчихра, зачем-то ещё и указав пальцем на дверь, за которой слышался не то храп, не то рёв.

– Там папа, – сказала девушка, пропуская её вперёд, в комнату больной. – Я его не стала будить.

– Он трезвый?

– Как вам сказать...

Комната была довольно большая. С евроремонтом, с дорогой мебелью. На диване лежала голыми ягодицами кверху, раскинув длинные ноги, женщина с белокурыми локонами. Она издавала звуки в подушку, стискивая её, как горло врага. На ней был халат, задранный почти до лопаток. Плотное белое тело женщины содрогалось. Широкая простыня под нею, скомканная к середине дивана, была пропитана кровью.

– Ольга, супруга моего брата, – с излишней, как показалось Гюльчихре, церемонностью отрекомендовала страдающую блондинку девушка. Женщина подняла лицо. Оно было искривлённым, красным, в слезах и синих подтёках. Довольно маленькие, но пронзительные глаза сквозь слёзы воззрились на Гюльчихру.

– Это кто такая?

– Я врач, – откликнулась Гюльчихра, ставя саквояж. – Что произошло?

Ответ был дан слепой девушкой, притом молча. Она с поразившей Гюльчихру точностью указала пальчиком на пустую бутылку из-под вина, стоявшую на полу, у шкафа.

Гюльчихра, впрочем, сразу сообразила, что сей предмет был туда поставлен именно слепой девушкой, которая его вынула из прямой кишки своей родственницы.

– И кто это сделал?

– Колька, – сказала девушка.

– Её муж?

Слепая кивнула.

– Они ведь ссорятся постоянно! Сегодня утром прямо с восьми часов орали, орали! Потом она как завоет, а Колька – матом! Через секунду он выбежал, дверью грохнул и был таков, а она визжит! Я сюда вбегаю...

– Заткнись! – вновь подала голос жертва насилия. – Ты всё врешь! Всё это из-за тебя! Ты меня достала! Ты меня бесишь! Ой, сука! Ой!

– Не надо кричать, – промолвила Гюльчихра, открыв саквояж. – Ложитесь на левый бок, поджимайте ноги.

Блондинка, не прекращая осыпать родственницу упрёками, приняла требуемую позу. Кровь продолжала течь. Натянув резиновые перчатки и достав перекись, Гюльчихра раздвинула двумя пальцами ягодицы женщины и промыла щель между ними. Их обладательница стонала.

– Что там? – спросила слепая девушка, неподвижно стоя возле окна. – Ведь ничего страшного, правда?

Сидя на корточках, Гюльчихра рассматривала последствия супружеского конфликта.

– Как вам сказать? Прямая кишка разорвана. Нужна сроч-

ная операция.

– Операция? – в панике проскулила больная. – Как операция? Мне в больницу придётся ехать? Там меня будут резать?

– Режут, простите за выражение, скот на бойне, – ответила Гюльчихра, наложив на рану салфетку и закрепляя её при помощи лейкопластыря. – А вас будут оперировать.

Это слово больной понравилось ещё меньше.

– Как оперировать? Ты чего? Ты с ума сошла? Я боюсь!

– Бояться не стоит. А относительно сумасшествия не меня надо спрашивать, а того, кто с вами это проделал. Впрочем, я думаю, с ним всё ясно.

Женщина продолжала нить. Сделав ей укол анальгина, Гюльчихра выпрямилась.

– Мне будет нужен ваш паспорт.

– Он на столе, – простионала женщина, вновь укладываясь ничком. – Но я не согласна никуда ехать, кроме как в Склиф!

– Ну, это, простите, не от меня зависит, – отозвалась Гюльчихра, взяв со стола паспорт. И вот тут женщина её здорово удивила – не столько тем, что она сказала ей, сколько тоном, в котором вдруг зазвенел металл:

– Ну так объясни тем, от кого зависит, что я – жена полицейского!

Гюльчихра посмотрела в глаза больной. Они ещё были мокрыми, но из них исчезла беспомощная пронзительность. Она стала очень уверенной.

– Ты грузинка? – спросила женщина, зорко глядя на медработницу.

– Я чеченка.

– Ах, ты чеченка? Чеченцы – люди сообразительные. Надеюсь, что ты меня поняла!

– Я вас поняла. А где ваш страховой полис?

– В паспорте он!

– Нужен городской телефон, – опять обратилась к девушке Гюльчихра. Слепая кивнула и повела её в третью комнату – по всей видимости, свою.

Там было довольно тесно – диван и шкаф занимали большую часть пространства. Также имелись комод и стул очень старомодной, тяжеловесной конструкции. На стене висела гитара с белыми струнами. Потолок был в разводах, обои сверху топорщились. Телефон стоял на комодке.

– Как тебя звать? – спросила у девушки Гюльчихра, набирая номер.

– Анфиса.

– Как давно ты не видишь?

– Почти три года.

– А диабетом болеешь с какого возраста? С детства?

Слепая от удивления заморгала.

– Как вы узнали?

– Да ацетоном прёт от тебя, как от алкоголика! Это интоксикация. Тебе тоже в больницу надо бы... Алло, здравствуй-те! Женщина, москвичка, тридцать пять лет. Разрыв прямой

кишки в результате травмы. Кровотечение. Нет, вы знаете, она хочет в Склиф. Её муж работает в министерстве Внутренних дел. Хорошо, спасибо.

Продиктовав паспортные данные пациентки и номер полиса, Гюльчихра связалась с водителем.

– Алло, Мишка! Тащи носилки сюда. Восьмой. Сто шестьдесят третья. Поедем в Склиф. Ну, не знаю.

Положив трубку, она опять взглянула на девушку.

– И ты тоже, друг мой, поедешь с нами.

– В смысле? Куда? – ахнула незрячая.

– В Институт Склифосовского. У меня там много знакомых. Тебя прокапают физраствором. Вечером я тебя заберу, привезу сюда.

Анфиса молчала.

– Ты, конечно, на инсулине? – опять пристала к ней Гюльчихра.

– Да, с четырёх лет.

– Сахар контролируешь хоть раз в день?

– Да как вам сказать...

– Можешь промолчать, мне и так всё ясно. Ладно, пойдём, оденем её. Сейчас принесут носилки.

Ольга хранила сосредоточенное молчание, продолжая лежать с упором на локти. Она, казалось, что-то просчитывала в уме.

– Вас прооперируют в "Склифе", – сказала ей Гюльчихра, следя, как незрячая извлекает из шкафа бельё, колготки,

юбку и свитер. – Паспорт и полис кладу на стол. Где сейчас ваш муж?

– Как где? – скривила больная рот. – На дежурстве! Я ведь тебе сказала, он – полицейский!

– Вы заявление писать будете?

– На кого? – удивилась женщина.

– На того, кто вставил вам в зад бутылку. Это умышленное причинение тяжких телесных повреждений. Наказывается сроком от трёх до десяти лет.

Ольга неожиданно пришла в ярость.

– Да что ты лезешь не в своё дело? Я на тебя скорей напишу – за то, что ты ко мне ехала полчаса! Учить она меня будет! Анфиска, слышала? Заявление!

– Не кричите, а то опять пойдёт кровь.

Больная притихла. Её успели одеть до прихода Мишки с носилками. Мишке было за сорок. Общаясь с ним, Гюльчихра удивлялась ему всё больше. Прогресс в стадии начала двадцать первого века он презирал. Новые машины ему не нравились. Прimitивным сотовым телефоном он, впрочем, пользовался, а вот интернетом – нет, хотя интересовался многим, от философии до рыбалки. Вся его комната, соответственно, была в книгах научного содержания. Это никому не мешало, поскольку он жил один. Свою двадцатидвухлетнюю "Волгу" с литыми дисками ремонтировал сам, веселя весь двор.

Раскладывая носилки перед диваном, Мишка приветливо

улыбнулся Ольге. Она опять пришла в бешенство.

– Ах ты, тварь! Тебе что, смешно? Вот я с тобой, сука, сама всё это проделаю – посмотрю, как ты посмеёшься! У меня муж – лейтенант полиции! Понял, быдло?

– Михаил просто рад видеть вас, – вступилась за своего водителя Гюльчихра. – Он любит красивых женщин.

– Очень люблю, – согласился Мишка. – Так это он там храпит? Лейтенант полиции? Обалдеть! Храп-то у него вполне генеральский!

Ольга презрительно промолчала.

– Это храпит мой папа, – проговорила Анфиса. Мишка скосил на неё глаза, затем поглядел с вопросом на Гюльчихру и склонился к Ольге.

– Мадам! Сейчас я вас заключу в объятия. Попрошу не сопротивляться, это вам не поможет. Постарайтесь расслабиться, и тогда получите полное удовольствие.

– Идиот! – огрызнулась Ольга. – Ты что, не видишь – мне плохо!

– Вижу, моя красавица, вижу. Как раз поэтому проявляю столько терпения. Это не самое сильное моё качество, уверяю.

Аккуратно просунув руки под Ольгу, Мишка переложил её на носилки. Он взял их спереди, Гюльчихра взялась сзади. Ей было тяжело.

– Я через пять минут вернусь за тобой и за саквояжем, – предупредила она Анфису, которая с изъяснениями призна-

тельности открыла входную дверь и вызвала лифт. – Ты пока оденься. Паспорт её не забудь и страховой полис, а из своих документов возьми только социальную карту.

В лифте больная вдруг задала Гюльчихре вопрос:

– А ты точно знаешь, что за такие штуки дают десятку?

– Да, ещё как дают, – заверила Гюльчихра, а Мишка прибавил:

– Тебе, красавица, повезло!

– Это почему? – удивилась Ольга.

– Как почему? Месяц проваляешься, а потом стрясёшь с этого мента и новую шубу, и новые бриллианты, и новый джип.

– Старого-то нет, – скривила мордашку Ольга. – Он жадный знаешь какой?

– Придётся ему наступить на горло своей натуре.

Ольга задумалась. Лифт открылся, и её вынесли. На морозе она разойкалась. Водворив её в задний отсек "Скорой помощи", Гюльчихра бегом вернулась забрать Анфису и саквояж. Девушка стояла уже одетая, с белой тросточкой. Она выразила желание сесть в кабину. Мишка не возражал, Гюльчихра – тем более. Ей хотелось кое-что выяснить до конца.

– Сколько тебе лет? – спросила она Анфису, когда машина с воем сирены вылетела на Дмитровское шоссе.

– Двадцать два. А что?

– Парень есть?

– Откуда? Раньше-то был, а теперь кому я нужна?

Мишка громко хмыкнул. Он умел делать это великолепно. Щёки Анфисы слегка покрылись румянцем.

– А мама где?

– Умерла. Я её не помню.

– А отец что, постоянно пьёт?

– Да, практически.

– Кто-нибудь тебе помогает?

– Иногда Ольга – за то, что я мою полы везде каждый день.

А иногда – Машка Стрельцова, моя подруга. Она меня на гитаре учит играть.

– Кто ходит за инсулином?

– Сама хожу. К счастью, поликлиника близко. А в магазин, конечно, проблема.

– Слушай, собака тебе нужна специально обученная, – подкинул идею Мишка. – С собакой будет и легче, и веселее.

Анфиса сделала жест глубокого скептицизма.

– Вряд ли! С ней слишком много проблем.

Движение было плотным. Время от времени скорость приходилось снижать почти до нуля. Мишке досаждал чёрный "Мерседес" со спецномерами, который также шёл под мигалкой. Он наседали на хвост «Скорой помощи», понуждая её уступить дорогу. Но Мишка не уступал, несмотря на крикание.

– Хер тебе, – проговорил он, бросая взгляд в зеркало. – У себя в кабинете будешь орать, а здесь по башке получишь!

– Миша, не связывайся, не надо! – увещевала водителя

Гюльчихра. Но Мишка связался. Как только сзади вдруг раздалось через мегафон: "Тебе что, мудака, башку продырявить?", он, поглядев, пристёгнуты ли его пассажирки, ударил по тормозам. Это произошло уже на подъезде к Улице 1905 года. Цепкие тормоза "Мерседеса" предотвратили удар. Он остановился в метре от «Скорой помощи», проскользнув пару метров юзом. То, что произошло потом, вошло в новостную сводку многих интернет-медиа. Опустив стекло, Мишка быстро вынул из-под сиденья короткую, но тяжёлую монтировку и высунул руку с нею наружу.

– Ты обалдел? – воскликнула Гюльчихра. – Нас сейчас пристрелят!

Она ошиблась. Реакции не последовало. Улыбнувшись, Мишка убрал монтировку, поднял стекло и возобновил путь. "Мерседес" свернул в ближайший проулок.

– Вы молодец! – вскричала Анфиса, без объяснений поняв, что произошло. – Вы просто герой!

– Я просто мужик.

"Скорая" уже двигалась по Садовому кольцу к Сухаревской. Спросив разрешения у двух дам, Мишка закурил.

– Неужели стал бы махаться с охраной? – полюбопытствовала, следя за ним, Гюльчихра.

– Если бы полезли – конечно, стал бы. Я, впрочем, знал, что они не сунутся.

– Почему?

– Во-первых, Скорая помощь. А во-вторых – монтировка.

– Так ведь у них пистолеты наверняка!

– Они могли их использовать либо для того, чтобы запугать – а я бы не испугался, либо для защиты – а я на них не напал. За всё остальное их бы под суд отдали.

– А интересно, чей это "Мерседес"?

– Госдумовский. Только депутатские холуи через мегафоны орут. Другие пока себе такого не позволяют.

– Как вы логичны! – вновь подала голосок Анфиса. – У вас железная логика. Вы, я думаю, сможете мне помочь.

Гюльчихра уставилась на неё, а Мишка едва взглянул – он в это мгновение выходил на встречную для обгона. Даже не завершив манёвр, он спросил:

– Помочь тебе? В чём?

– Я очень боюсь, – сказала Анфиса. – Меня надо убедить, что бояться нечего, потому что иначе я просто сойду с ума!

«Скорая» вернулась на свою полосу.

– И чего ты боишься? – спросил водитель.

– Три дня назад ко мне приходила ночью жёлтая женщина. Она трогала меня за нос. Тут, конечно, напрашивается вопрос – каким образом я её увидела, эту женщину? Вот не знаю. Все те, кому я рассказывала об этом, внезапно вспомнили, что и их той ночью трогали за носы, однако они никого не видели. А я видела! Абсолютно ясно и точно.

Машина уже въезжала на территорию Склифа.

– Ну так чего ты боишься? – повторил Мишка, – психиатрической клиники?

– Нет, психушки я не боюсь. Я была бы рада, если бы мне доказали, что я рехнулась и жёлтой женщины не было. Но боюсь, что это не так.

Глава непрономерованная

В которой ничего и не происходит, кроме самого главного

Гюльчихра вечером не смогла забрать Анфису из Склифа, как обещала. Она отправила за ней свою бывшую напарницу Асю, хотя и знала, что та потащит слепую в храм. Так оно и вышло. Идя с Анфисой к метро, эмоциональная и активная Ася после расспросов о самочувствии поинтересовалась, верит ли она в Бога. Был уже восьмой час. Машины, поток которых будто увяз в реагентной грязи, напоминали стадо коров, пришедших на водопой. Пешеходы также двигались медленно, обходя огромные лужи. Анфиса шла по бордюру, обстукивая его своей белой тростью. В ботинках Аси, которая была вынуждена идти прямо по химическому болоту, чавкали реагенты. Она придерживала незрячую за рукав.

– Я в Бога не верю, – дала Анфиса резкий ответ, – но я ему благодарна.

Ася от удивления зачерпнула ботиночком столько химии, что та вылилась через край. Даже не поморщившись, двадцатитрёхлетняя врач вскричала:

– Анфиса! Как можно быть благодарной тому, в кого ты не веришь? Это нелепое утверждение!

– Ты сперва пойми, о чём речь, а потом ори! – вспылила Анфиса. – Я благодарна Богу за то, что он не даёт мне повода

в него верить. На хрен мне нужен ещё один воспитатель?

Однако Ася на этом не успокоилась. Сняв ботинок возле метро и выплеснув реагенты, она сказала, что у неё на Бауманской есть срочное дело, которое отложить никак невозможно, так что придется туда поехать вдвоём. Анфиса не возражала.

– Что у тебя за дело на Бауманской? – спросила она, когда медработница аккуратно свела её с эскалатора.

– Да мне к другу надо зайти.

– А он – тоже врач?

– Да, ещё какой!

Доехали почти молча. Ася открыла рот один-единственный раз, когда её подопечной не уступили место в вагоне. От крика щупленькой медработницы поднялись сорок человек. Анфиса смутилась, но промолчала. По выходе из метро она поинтересовалась у Аси, на какой улице проживает её приятель. Был дан пространный ответ, что каждый, мол, может найти этого приятеля где угодно. Тут у Анфисы возникло смутное подозрение, что заезд на Бауманскую добром для неё не кончится. Но она пошла с медработницей, решив больше вопросов не задавать, а только прислушиваться.

В Елоховском кафедральном соборе, где подошла к концу вечерняя служба, Анфиса предприняла попытку выдрать Асе глаза. Ася призвала на помощь служительниц и старушек. Те потащили слепую отроковицу к мощам святителя Алексия, который, помимо прочего, исцелял глазные болез-

ни. Анфиса яростно вырывалась и проклинала подлую тварь, обманом завлѣкшую её в логово идолопоклонства и мракобесия. Подроссел священник. Он хорошенько обрызгал беснующуюся девку святой водой. Анфиса притихла и приложилась к кресту, поскольку вода была ледяная, и Ася предупредила, что её много, целая бочка.

– Могут и утопить, – шепнула на ушко. Анфиса незамедлительно изъявила готовность припасть не только к мощам, но и к паре-тройке икон, лишь бы не топили. Ей предоставили семь икон. Она их усердно облобызала.

В первом ряду толпы, которая с умилением созерцала чудо духовного исцеления слепой девы, стояла Маша Анохина. У неё в руке была Библия. Когда Ася вела Анфису на свежий воздух, бунтующая малышка её окликнула. Услыхав своё имя, Ася испуганно повернула голову, и – немедленно зашипела, как потревоженная змея. Маша подошла. В платочке и юбке почти до щиколоток она была презабавна.

– Что ты здесь делаешь, тварь? – прошептала Ася, схватив её за запястье. – Решила среди икон догола раздеться? Только посмей! Учти, я тебе башку назад пришивать не стану, когда её оторвут! А здесь оторвут мгновенно, здесь Божий храм!

– Да я в Божьем храме читаю Библию, – объяснила Маша. – Так интереснее. Это что за девка? Она совсем ничего не видит? Совсем?

– Анфиса её зовут, – проворчала Ася, мало смягчѣнная

предъявлением Библии. Вытащив из кармана платок, она стала протирать короткие волосы и лицо Анфисы, обильно политые водой. Маше почему-то было смешно. Убрав книгу в сумку, она заметила:

– Асенька, это было круто! Круче «Энигмы»!

– Что? – с вызовом поинтересовалась Ася, притом так громко, что три старушки ей сделали замечание.

– Да конечно, не то, что ты здесь устроила! Это было хуже Киркорова. Я имела в виду церковную службу. Она всегда проходит только в одном музыкальном стиле? Звучит прикольно, но через три минуты надоедает. Никак нельзя всё это разнообразить?

Ася оставила без ответа глупый и оскорбительный для неё вопрос. Потерянное лицо Анфисы на один миг оживилось слабой улыбкой. Потом она опять опустила взгляд.

– Вы сейчас пойдёте к трамваю? – спросила Маша.

– К метро, – ответила Ася.

– А я – к трамваю. Нам сто шагов по пути! Идём.

У церкви стояло много старушек, просивших милостыню. На паперти задержавшись, чтоб сунуть им по монетке, снять с головы платочек и закурить, Маша догнала двух попутчиц.

– Слушайте, девки! Сейчас прикол расскажу. Там, в храме, книга лежит, которая называется "Кому за что следует молиться". Я её пролистала. Ну, за успех в рыбной ловле надо молиться Апостолам Петру и Андрею – это понятно, они были рыбаками. За успех в налоговых сборах надо молить-

ся Матфею – тоже вполне логично, ведь он был мытарем! А теперь угадайте, кому следует молиться за избавление от головной боли?

– Ну и кому? – без всякого интереса спросила Ася.

– Иоанну Крестителю!

Ася, что называется, фишку не усекла – она не читала Новый Завет. Анфиса же зашлась хохотом, безусловно доказавшим, что мало всё-таки на неё излили святой воды – бес не захлебнулся, а притаился. Старушки около церкви панически закрестились. Ася, также панически оглядевшись по сторонам, стремительно потащила развеселившуюся Анфису к метро. Крикнув им вдогонку: "До встречи!", Маша направилась к остановке.

– В храме была нечистая сила, – произнесла Анфиса на эскалаторе.

– Это точно, – вздохнула Ася, – была. Надеюсь, что больше она в него не войдёт. Ох, только вот как бы ей что-нибудь не вступило опять в башку!

– Она там осталась.

Эти слова Анфиса промолвила очень тихо. Они никем не были услышаны.

– Что, понравилось тебе в храме? – спросила Ася, когда входили в вагон.

– Да, очень понравилось. Ничего там менять не надо. Всё и так здорово.

Проводив свою подопечную до подъезда, Ася решила

взглянуть на её условия проживания и соседей. С большим трудом от неё отбившись, Анфиса оставила ей вместо своего номера телефона выдуманный. Но у Гюльчихры её номер был.

Глава седьмая

В которой Верка слушает комплименты

В воскресенье Верка дала концерт в детском доме на Вешняковской. Такого рода мероприятия она часто организовывала сама, притом безвозмездно – лишь от обедов с восторженной малышнёй, которая осыпала её вопросами, не отказывалась. Порой брала и подарки в виде воздушных шариков и рисунков. Она играла ребятам всё, от серьёзной классики до мелодий из детских фильмов. Слушатели одаривали её таким восхищением, что она смущалась. Но на сей раз дети за столом вели себя необычно. Они смотрели на Верку, которая ела суп, с прежним обожанием, но к нему примешивалась загадочность. Можно было подумать – скрипачка им приоткрыла некую тайну, и они дали слово её хранить. Вопросов звучало гораздо меньше, чем в прошлый раз. Все они казались очень обдуманными. И Верка, давая на них ответы, также была серьёзна, как никогда. Директор детского дома, слегка неряшливый и всклокоченный балагур по имени Анатолий, вызвался подвести её до метро. Он всегда так делал.

– Верочка, вы сегодня были божественны, – сказал он, заняв левый ряд и подбросив стрелку до сотни. Он так всегда говорил. И Верка ответила, как обычно:

– Благодарю. Я старалась.

– Вы не старались, – последовало внезапное продолжение. – Я внимательно наблюдал за вами и понял, что по-другому играть Вы бы не смогли. И дети поняли это. Поэтому они были потрясены. Что с вами случилось?

Верка не знала, что отвечать. Она поглядела на Анатолия с удивлением.

– К нам на днях наведывался один проповедник, – продолжал тот, выполнив обгон. – Не помню, какой конфессии. Он высказывался в том духе, что, мол, у каждого из нас есть много вопросов к Богу, но не на все из них надо добиваться ответа. Один из этих вопросов – почему некоторые дети рождаются тяжело и неизлечимо больными? Да, можно, конечно, порассуждать о грехах родителей, но... Ведь вы понимаете?

– Не совсем, – тряхнула головой Верка. – К чему Вы это всё говорите?

– К тому, что, слушая вашу игру сегодня, я полностью согласился с идеей проповеди, – сказал Анатолий, проскакивая на жёлтый свет. Верка продолжала не понимать.

– Вам, Верочка, сколько лет?

– Двадцать девять.

– Вы в школе были отличницей?

– Нет! Скорее, наоборот.

– Из-за двоек плакали?

– Ещё как! Я маму очень боялась.

Возле автобусной остановки женщина продавала цветы.

Внезапно затормозив напротив неё, директор опять обратился к Верке:

– А что Вы думаете об этом теперь, спустя двадцать лет?

– Ничего не думаю.

– Почему?

– Да как почему? Двадцать лет прошло!

Директор кивнул, открывая дверь.

– Верочка! Повзрослев всего лишь на двадцать лет, Вы пересмотрели свой взгляд на многое. А все те, кто слушал сегодня вашу игру, сразу повзрослели на вечность. Спасибо вам.

Верка замахала ресничками. Анатолий, тем временем, на минуту оставил её в машине одну, чтоб купить букет белых роз и преподнести его ей. Он сделал это безмолвно, но с таким взглядом, что Верка вспыхнула. Весь остаток пути она упивалась запахом роз и своей растерянностью. Высаживая её у метро, директор детского дома поцеловал ей руки.

Ехать домой, на Фрунзенскую, скрипачка пока что не собиралась. У Тани ей жилось замечательно. Вечер был у неё свободным. Она решила смотаться в ЦУМ, чтобы купить туфли от «Кристиан Диор», на которые уже очень давно положила глаз. Накануне в театре дали зарплату, так что препятствия к мечте рухнули.

Розы благоухали на весь вагон. Можно было сесть, но Верка стояла, зная, что во весь рост со скрипкой и розами она смотрится куда лучше. Действительно, молодые люди не от-

рывали от неё взглядов. Между тем, поезд достиг Таганской. Двери разъехались, и со станции донеслось «Прекрасное далёко», вяло сползавшее со скрипичных струн. Верка оглянулась. Играла рослая девочка лет четырнадцати, стоявшая у колонны. Она стояла очень красиво: левая нога чуть вперёд, осанка как у Венгерова. Но игра до венгеровской не дотягивала. Скрипачке стало очень досадно, что не сыграла она сегодня детишкам это произведение, потому что просто о нём забыла. Она его не играла с самого детства. Поезд двинулся дальше. Грустная песенка привязалась к Верке, как собачонка.

Купив голубые туфли за двадцать тысяч, Верка спросила у продавщицы, есть ли в ЦУМе кафе. Девушка сказала, что есть. Объяснила, где. Оказалось, близко, на этом же этаже. Все столики были заняты. Но один клиент просил счёт, и Верка подождала, ошиваясь рядышком. Положив на два стула скрипку, коробку с туфлями и букет, она попросила официантку подать ей кофе и круассан. За соседним столиком сидел очень симпатичный молодой человек. Верка улыбнулась ему. Он сфоткал её на крутой айфон, а потом спросил, может ли она ему попозировать с инструментом. Верка решительно отказалась, но изъявила готовность сфотографироваться с цветами.

– А почему со скрипкой нельзя? – поинтересовался парень, исполнив её желание. Верка села.

– Ну её к чёрту! И без неё по мне слишком видно, что я

скрипачка.

– А что, есть признаки, отличающие скрипачку от прочих девушек?

– А то нет! И ты их наверняка заметил – осанка, ногти короткие, геморрой. Заметил ведь, правда?

Верка дурачилась, никаких венозных болезней у неё не было. Но её собеседник даже не улыбнулся. Смекнув, над чем он ломает голову, Верка напустила на себя строгость.

– Ты понял всё?

– Не совсем. Что ногти короткие, это сразу можно заметить. А относительно...

– Вот смешной! Думаешь, поверю, что ты меня уже не раздел и не наклонил? Будь честным, признайся, что у тебя хватило фантазии это сделать!

Парень смутился. Он не успел ответить. К нему внезапно подседа, примчавшись со стороны обувных отделов, довольно стильная девушка с волосами, окрашенными в три цвета. Глянув на Верку быстро и искоса, между мыслями, и поставив на стол коробку, она сняла с неё крышку.

– Короче, эти взяла! А всё остальное там – барахло.

В коробке лежали туфли за сорок тысяч. Верка их примеряла, но просто так. Она о таких могла лишь мечтать. Сразу перестав обращать на неё внимание, молодой человек достал одну туфельку и сказал:

– Отлично! Теперь мы можем идти?

– Нет, я хочу вермута, – заявила девушка, подзывая офи-

циантку. – Будьте любезны!

Пришлось ей вермутом подавиться. Когда он был принесён, взбешённая Верка вынула из футляра скрипку и, не вставая из-за стола, начала играть. Музыка была проще не найти – «Прекрасное далёко». Но всё живое, что было на этаже, застыло и онемело. Стильная девушка, снявшая сапоги, чтобы надеть туфельки, так и выронила одну из них, да так и сидела, распустив слюни с вермутом. Тем не менее, Верка была удовлетворена не полностью. Оборвав мелодию, она бросила на стол деньги за кофе и круассан и быстро ушла, защёлкивая замочки футляра. Ещё часа три она просто так моталась по центру, прицениваясь к белью и чулкам в разных магазинах. Зашла в Макдональдс. Приехала к Тане поздно. Таня уже спала. Улеглась и Верка. Но сон к ней долго не шёл.

Глава восьмая

В которой Танечка, наконец, узнаёт от Верки кое-что важное

Танечка по утрам варила манную кашу. Верка её не то чтобы не любила, но презирала с детства, однако здесь как-то незаметно прониклась к ней чем-то вроде симпатии, выросшей из стыда за необоснованный косой взгляд. На четвёртый день Таня приготовила геркулес.

– Это что такое, чёрт побери? – опомнилась Верка, в сонной задумчивости сожрав четверть содержимого небольшой розовой тарелки.

– Как что? Овсянка.

Радиожурналистка также завтракала рассеянно, потому что одновременно просматривала в планшете Фейсбук и почту. Писем ей пришло много. Залайкав новую фотку новой девчонки своего бывшего жениха, она принялась на них отвечать. К одному из замов главреда, Сергею Александровичу, у неё был конкретный вопрос. Она его сформулировала.

– Овсянка? – переспросила Верка с таким лицом, будто ей сказали, что она жрёт дождевых червей. – Ты варишь овсянку?

– Да, иногда. А что?

Верка промолчала. К овсянке у неё было отношение ещё

более непростое, нежели к манке. Но она всё же её доела и налила себе кофе. Розовое зимнее солнце размазалось по стеклу, как жидкий кисель. Термометр за окном показывал минус шесть.

– Сегодня работаешь? – поинтересовалась Верка.

– Нет. Хочу ещё час поспать, потом почитать. А ты?

– Ещё как! Будет репетиция «Бесприданницы». Это ужас!

Потом домой хочу съездить.

Таня оторвалась от планшета.

– Думаешь, труп уже обнаружили?

– Нет, конечно! Кто его обнаружит? Но я ему звонила три дня. Вызову полицию, скажу: «Вот, смотрите – ни городской, ни сотовый не берёт!»

– Думаешь, они выломают дверь?

– Ну а как иначе?

– Ты ненормальная? Мало ли, куда мог человек уехать?

Хоть на три дня, хоть на месяц, хоть на всю жизнь! Это его дело.

– Но ведь должны они как-то выяснить, жив ли он!

– Тебе ничего они не должны.

Верка с возмущением покачала всклокоченной головой.

– Кофе мне налей, – попросила Танечка. – У тебя это хорошо получается.

– Кофе лить? – удивилась Верка.

– Да. В твоём исполнении кофе очень похож на чай, потому что ты похожа на китаянку, которая широко раскрыла

глаза, увидев в нём отражение своего не совсем китайского носа.

Скрипачке стало смешно. Наливая кофе, она заметила:

– Я теперь понимаю, почему ваше радио до сих пор ещё не закрыли!

– Да? Обалдеть! Над этой загадкой ломает голову весь цивилизованный мир! Раскрой мне глаза.

– Да вы – молодцы! Вот и вся разгадка. Без вас была бы тоска.

Таня улыбнулась. "Перевал Дятлова? – написал Сергей Александрович. – Тебе что, интернета мало?" Она ответила: "Мало! Мне надо знать, что вы думаете об этом". Сразу пришёл ответ: "Да я ничего об этом не думаю, потому что давно уже этим не занимаюсь. Но я планирую передачу на эту тему с историками и криминалистами. Поучаствуешь? Это будет где-нибудь через месяц". Таня ответила утвердительно.

– Я частенько слушаю за рулём ночные ваши эфиры – ну, про рок-музыку, – продолжала Верка. – А разговоры про всякую там политику не люблю. Но я где-то слышала, что вы запросто приглашаете к себе тех, кого ни на телевидение, ни на другие радиостанции не зовут.

– Да, у нас бывают и представители оппозиции, – подтвердила Таня. – А передачи о классической музыке ты не слушаешь? Они тоже ночью идут, по-моему.

Верка вместо ответа скорчила рожу, которую следовало бы сфоткать для осчастливливания детей, не принятых в му-

зыкальную школу. Эта гримаса вызвала интерес у Танечки. За три дня проживания у неё скрипачки они впервые беседовали так долго. Все предыдущие дни Таня по утрам торопилась, по вечерам была занята. Пристально смотря на скрипачку, она спросила:

– Как можно не любить то, что делаешь лучше всех?

– Ну, уж это глупость! – скривила Верка лицо на другую сторону. – Выдающимся музыкантом мне не бывать, слишком много времени упустила. И ты меня неправильно поняла. Я скрипку люблю, однако не так, как надо её любить, чтоб реально стать лучше всех. Она для меня далеко не на первом месте.

– Но почему? Ведь это – твоё!

– Я гораздо больше люблю машины, – проговорила Верка, зевая. – Я лучше стала бы автогонщицей. Но ведь тут у меня совсем мало шансов! Или продюсером. Я давно хочу поступить на курсы продюсеров.

Таня, встав, стала мыть посуду. Ей было ясно, что всё это говорится назло кому-то – если не ей, то самой себе. С досадой разглядывая нюансы её фигуры, предательски обозначенные тончайшим материалом халата, Верка продолжила:

– Я никак не могу понять некоторых умных людей. Они почему-то все вдруг решили, что если я двадцать лет уродовала свои шейные позвонки и суставы неким предметом, значит – ко мне можно относиться как к его части! Или, точнее, как к жертве компрачикосов, выращенной в кувшине

ради принятия его формы. Ах, ты скрипачка? Следовательно, ты должна думать так-то и делать то-то! Ведь это бред! Бред конкретный!

Таня молчала.

– Вот взять хотя бы тех трёх девчонок, – не унималась Верка. – Ну, тех, с гитарами! Ведь у них, по-моему, неплохое образование.

– Да, у двух – университетское.

– Ну, вот видишь! Им почему-то никто не навязывает шаблоны! Я вчера видела на Ютубе, как эта Настя публично трахается. Нормально?

– Ты ещё ролик с курицей посмотри.

– Смотрела уже. Офигенный ролик. Шедевр! Что она хотела этим сказать?

– Понятия не имею. И вряд ли мне удастся это понять, ведь я образована далеко не столь основательно.

– Она дура! – вскричала Верка. – Как ты не понимаешь? И ничего она не хотела этим сказать! Просто видит – курица. А ну, дай, думаю, засуну, потом придумаю что-нибудь! И я так хочу. Мечтаю. Прямо под камеру – схватить курицу, задрать юбку, и ...

– Что мешает?

– Скрипка, что же ещё? Я потом всю жизнь буду думать, что из-за этой курицы на Ютубе меня в нормальный оркестр и не приглашают. Бедная курица! Ведь она ни в чём не виновна! А у меня реально кривая шея! Это издалека, с любой

стороны заметно!

– Мозги у тебя кривые. А шея, вроде бы, идеальная.

Но скрипачка всё-таки приуныла. Телефон Тани вдруг подал голос. Вытерев руки, она взяла его и прочла сообщение. Поглядела на Верку.

– Верочка, слушай! Ко мне через полчаса придут. Ты можешь свалить?

Верка понимающе улыбнулась. Взглянув на свой телефон, она пришла в ужас.

– Ой! Почти десять! Сегодня же репетиция! Если я опоздаю, меня убьют! Ведь там без меня – никак!

С этими словами она вскочила и устремилась в комнату, на бегу снимая футболку с портретом Дайаны Росс, в какой футболке часто спала. Таня вновь уселась за свой планшет. Сообщений было не разгрести. Из комнаты, между тем, доносилось ойканье вперемешку с матом и быстрым топотом голых пяток. Можно было подумать – Верка не одевается там, а бегаёт от зверька, который её кусает. Но вдруг она появилась совсем одетая и покрашенная вполне аккуратно. Взяв со стола телефон, спросила:

– А почему вы не приглашаете их к себе на эфир?

– На эфир? Кого?

– Ну, этих смешных девчонок.

– С ума сошла?

Вновь покинув кухню, Верка уселась на табуретку, которая возвышалась среди рядов её и Таниной обуви.

– Что надеть? Что же мне надеть? Танюха, там сколько градусов?

– Минус пять.

– Да что за дерьмо? Конец января, и всё минус пять! Надену-ка я ботинки.

Таня уже бесилась. А её гостья, осуществляя своё намерение, опять привязалась к ней с явной глупостью:

– Слушай, Танька! А олигарх, который несколько лет назад поднял хай на Путина и которого посадили чуть ли не на всю жизнь – он к вам приходил?

– Хордаковский? Да. Но я ещё в институте тогда училась.

– Ясно. А знаешь, я почему спросила? У нас в театре вот как раз в те самые годы работала одна девка, которая близко знала любовницу Хордаковского. Они вместе жили.

– Она жила с любовницей Хордаковского?

– Не в том смысле! А может, в том, я не знаю. Она у нас убиралась. Я с ней дружила чуть-чуть. Её звали Света. Да что же это такое, мать твою?

Сняв ботинок, скрипачка стала расправлять стельку.

– А ту, вторую, как звали? – спросила Таня, откладывая планшет.

– Любовницу Хордаковского? Её звали Рита.

– Дроздова?

– Да.

– И ты с ней общалась?

– Да, но не близко. А три девчонки у нас с ней крепко

сдружились. Одна из них работала в её баре. Ведь у неё был бар, "Три товарища".

Таня быстро вышла в прихожую. На лице скрипачки было остекленение, только ноздри воинственно шевелились. Она по новой засовывала шнурок в ботинок – один конец был чересчур короток.

– Как могла любовница Хордаковского жить с какой-то уборщицей? – подлила бензина в огонь её злости Таня. – Ведь это бред!

– Да что ты орёшь? Ей было на всё плевать! Как этим твоим панк-рокерам. С кем хотела, с тем и жила! Ой! ... в рот!

Шнурок, в одном месте почти на всю свою толщину перетёртый, лопнул. Это спровоцировало истерику, поток слёз, шквал мата. Во всём была обвинена Таня. Тут очень вовремя позвонил в дверь Женька – её приятель, фотограф журнала "Деньги". Она открыла. Застав подругу в компании горбоносой, беснующейся, растрёпанной психопатки, он на минуту остолбенел, а потом помог её успокоить, найти шнурок, вдеть его, натянуть ботинок, брошенный в Таню, и выпроводить скрипачку вместе со скрипкой. Чуть отдышавшись, Танечка накормила его овсянкой и в двух словах рассказала, кое о чём, естественно, умолчав, кто такая Верка. Он пожелал узнать, как Таня с ней познакомилась.

– Да пошёл ты знаешь куда? – возмутилась Таня, всегда старавшаяся, по возможности, избегать вранья. – Я корреспондентка лучшего в мире радио! Это моя работа – искать

сенсации. А уж как я их нахожу, тебя не касается. Я свои профессиональные секреты не раскрываю.

– Сенсации? – переспросил Женька, внимательно наблюдая за ней. – Да какую может вызвать она сенсацию? Или ты ведёшь теперь передачу "Ваш психиатр"?

– У неё есть выходы на любовницу Хордаковского, – проронила Таня, опять берясь за планшет. Женька закурил.

– Насколько я помню, около Хордаковского одно время крутилась некая Маргарита. Про неё толком никто ничего не знал, на мероприятиях не мелькала. Это она?

– Кажется, она.

– Лет восемь назад её поместили в клинику имени Алексеева за двойное убийство. Подельницу оправдали или отмазали... Да, отмазали, у неё отец крутой оказался! Так эта самая Рита уже, значит, на свободе?

– Да. Её года три-четыре назад выгнали из дурки. Ты что, об этом не слышал?

– Кажется, слышал. Но мне на это плевать. Если бы она могла что-то знать, её бы не выпустили.

– Дурак, – улыбнулась Таня, не отрывая глаз от планшета. – Смотри, что пишет мне шеф! Он пишет: "Ого!"

Женька призадумался так, будто бы услышал всесокрушающий аргумент. Раздавливая окурочек, он произнёс:

– Разве на неё такая проблема выйти, если ты думаешь, что с ней есть о чём говорить?

– Да в том-то и дело! Мы много раз пытались её прощу-

пать. Стена! Железобетон! Посылает матом, и всё. А Верочка дружит с теми, кто дружит с нею. Ну, или, по крайней мере, дружил.

– Восемь лет назад?

– Лица из тех лет вызовут у неё приятные чувства. Да почему не попробовать? Чем рискую? Ведь шеф мне ясно сказал: "Ого!"

Женька согласился. Ему было трудно не соглашаться с Таней, когда она излагала ему последовательные доводы, сидя перед ним с голыми ногами. Ноги у неё были изумительные – от самых ногтей, блестящих прозрачным лаком, до бёдер, с внутренней стороны покрытых таким щекотным пушком, что стоило прикоснуться к нему любой частью тела, и в голове начинался звон – либо от затрешины, либо от чего-то другого. Глаза у Тани были зелёные. Когда Женька впивался в них глупым взглядом, они смеялись над ним безжалостно, когда умным – в них было удивление, также обидное для него. Оно появилось в них и теперь, когда он сказал, соглашаясь с нею:

– Да, ты ничем не рискуешь. Зато рискует твой шеф. Эту Маргариту могут использовать, чтобы поднять вас на смех. Если не ошибаюсь, такое происходило с вами не раз.

– Да, происходило. Люди, дававшие интервью, потом под давлением заявляли, что пошутили. Есть такое понятие – профессиональный риск. Если ты хочешь быть застрахованным от него, рассказывай о собачках Путина. Только это –

не журналистика.

Так ответив, Таня взяла мобильник и набрала следующее сообщение: "Верка! Выясни у своих подруг, где Света и чем она занимается. Не тяни. Дело очень срочное!"

Отложив телефон, она закурила, шурясь на солнышко, без любви обнявшее город розовыми руками. Оно с обманчивой теплотой отсвечивало от окон домов, от трамвайных рельсов и от машин. В розовой дали кружился снежок. Тане захотелось на улицу.

– Очень странное у вас радио, – сказал Женька, с иронией наблюдая, как она курит. – Вот уже больше двадцати лет вы всем недовольны! По-моему, это очень похоже на паранойю.

– Урод! – разозлилась Танечка. – Неужели я должна тебе объяснять, что задача СМИ – не язык совать власти в задницу, а совсем другой орган? Власть, которая оказывается вне критики, моментально становится упырём! Ведь это же азбука!! Первый класс, ...! Вторая четверть!

– Серьёзно? А я считал по наивности, что задача СМИ – давать информацию.

– Разумеется! Но у них, как и у того органа, о котором я только что сказала, не одна функция. Впрочем, к твоему органу это отношения не имеет. Отсюда твоя наивность.

– Дать бы тебе по заднице, чтоб не умничала!

Услышав такой ответ, Таня возмутилась и хорошенько стукнула Женьку по лбу. Он промолчал. Только засопел, раздувая ноздри. Тогда она, погасив сигарету, встала, насмеш-

ливо повернулась и высоко-высоко задрала халат. Трусов на ней не было. Туго скомкав полы халата под самой грудью, Танечка повернула рыжую голову и взглянула поверх плеча холодным зелёным глазом.

– Ну, так чего ж ты застыл? Вот задница, бей! Посмотрю, как ты это сделаешь.

Он внимательно поглядел на её округлые, белые ягодицы, чуть содрогавшиеся от сдерживаемого смеха их обладательницы, и хлопнул по ним ладонью наотмашь. Шлепок прозвучал, как выстрел. Танечка, завизжав, высоко подпрыгнула и набросилась на обидчика с твёрдой целью отправить его в нокаут. Но он уже убежал. Она догнала его в коридоре. Они сцепились, остервенело пытаясь раздеть друг друга. Так как на Тане был лишь халат, она проиграла. Женька опять стал хлопать её, несмотря на ругань и оборону зубами. Потом притиснул спиной к стене. Таня обхватила его ногами, не прекращая отчаянно материться. Ещё бы! Что за дела? Женькино лицо было бледным, как будто он боролся с приступом малярии, а не с девчонкой. Девчонка, впрочем, была несносней холеры. Ею владело бешенство. Она выла, закатывая глаза, ногтями царапая ему плечи.

Мобильник вдруг заиграл. О, если бы он оказался в радиусе доступности! Танечка запихнула бы его в ротик и моментально сгрызла, как бульдог кость! Но он был на кухне. И это было чудовищно. Танечка заорала во всю мощь глотки, чтоб заглушить эту ненавистную тварь. Но это было непро-

сто – она сама выставила в нём максимальный звук. Женька вонзил ногти в её упругие ягодицы. Он был готов. Её ноги вытянулись во всю длину, пятками упёрлись в другую стену узкого коридора. А телефон, тварь такая, не умолкал! Плавно соскользнув в Женькиных руках по стене, Танечка усе-лась на голый зад. У неё было ощущение, что пол клонится и она полетит сейчас кувырком. Она поскребла по полу ног-тями, чтоб зацепиться. Женька, натягивая штаны, принёс ей мобильник. Тот уже смолк.

– Салфетку давай! – простонала Танечка. Он ей подал сал-фетку из туалета. О! Звонил шеф! Она набрала ему, проти-рая бёдра салфеткой.

– Да, Алексей Алексеевич! Вы звонили? Я была в душе.

– Чувствую, что тебе опять туда надо, – заметил шеф, рас-смеявшись. Он всё всегда замечал. Танечка ждала, что он скажет. Он сказал вот что:

– Я получил твоё сообщение. Интересно! Знаешь, кто эта Света?

– Она, по-моему, чья-то дочка.

– Ты, как всегда, логична. Действительно, её папа – из прокурорских. Сейчас он, правда, уже на пенсии. Почему она мыла полы в театре – не знаю, не спрашивай. Восемь лет назад она и Рита Дроздова грохнули генерала из СВР, кото-рый пришёл к ним в гости. А заодно – и охранника, отобрав у него табельный пистолет. Нормально?

– Отлично! Так это, значит, про них кто-то написал ро-

ман «Последняя лошадь Наполеона», а ещё пьесу «Последняя битва Наполеона»?

– Да, может быть. Не читал, не знаю.

– Я постараюсь Свету найти.

– Попробуй. Но я совсем не уверен в том, что они сейчас друг с другом общаются или жаждут общаться. Французский как?

– Помаленьку.

– Ну, молодец. Слушай, я весной тебя посажу на утренний эфир с Пьющевым. Мне из Администрации президента эту идею кинули.

– Алексей Алексеевич, пощадите! Зачем вы так?

– А затем, чтоб ты по ночам морально готовилась, а не ерундой занималась. Мне ещё только здесь твоего декрета не доставало!

– Я обещаю предохраняться!

Алексей Алексеевич, рассмеявшись, положил трубку. Женька был в душе. Когда он оттуда вышел, Таня готовила себе кофе. Мрачно взглянув на своего гостя, она сказала:

– Немедленно одевайся и убирайся! Я хочу спать.

– Поэтому варишь кофе?

– Да, вот как раз поэтому варю кофе. Я хочу спать, а мне нужно думать.

Женька довольно скоро ушёл.

Глава девятая

В которой Верку щекоцут, но не для смеха

Верка благополучно успела на репетицию, потому что та началась на полчаса позже. Тому виновницей была новая актриса, Юля Денисова, женщина поразительной красоты. Она опоздала, честно признавшись, что проспала. Художественный руководитель и режиссёр, Корней Митрофанович, за глаза грозившийся оторвать ей башку, в ответ на это признание улыбнулся и произнёс:

– Да ничего страшного, Юленька! С каждым может такое произойти.

Юленьку вводили на роль Ларисы Дмитриевны в спектакле по знаменитой пьесе Островского "Бесприданница". Этот самый спектакль и репетировали. За десять лет он всем опостылел, но режиссёр не снимал его, потому что публика шла. Каждый из актёров искренне полагал, что именно он обеспечивает успех данной постановке. Так думала про себя и Верка, участвовавшая в спектакле все десять лет. Зрители с ней были согласны, хотя она исполняла совсем небольшую роль цыганки-скрипачки, которая появлялась во время пира на "Ласточке". На неё надевали пышную юбку, блузку с шитьём и серьги, которые неприятно оттягивали ей уши, а на ноги – ничего. Она выходила к пирующим босиком и под

их сопровождаемые хлопками в ладоши крики "Бэш чаворо! Гоп, гоп, гоп!" играла цыганский танец. Жгучий брюнет Артур подыгрывал на гитаре. Лариса Дмитриевна плясала, щёлкая пальцами, звонко цокая каблукками. Все остальные хлопали. Это выглядело эффектно. Однако на сей раз дело вдруг почему-то пошло наперекосяк. Начало-то было вполне многообещающим. Исполнители главных мужских ролей – народный артист Никитин, заслуженный артист Малкин, без трёх минут заслуженный артист Журов и без пяти минут безработный Павел Кремнёв, пленившись очарованием новой Ларисы Дмитриевны, играли свежо, без пафоса, не стараясь друг друга переорать. Тамара Харант, игравшая роль цыганки-певицы, также была вполне адекватна, хоть новогодние праздники завершились совсем недавно. Но когда Верка вышла со скрипкой и начала играть, возникло всеобщее замешательство. Танцовщица сбилась на третьем такте, Артур внезапно зацепил ногтем не ту струну. Пирующие растерянно переглядывались и хлопали невпопад. Режиссёр, который сидел во втором ряду вместе с секретаршей директора, Вероникой, и хореографом, что-то тихо сказал последнему. Тот поднялся и замахал руками, крича:

– Стоп! Стоп!

Стало очень тихо. Верка растерянно опустила смычок и скрипку. Все удивлённо смотрели лишь на неё.

– Что случилось, Верочка? – обратился к ней хореограф. Она испуганно заморгала.

– А что случилось, Виктор Эмильевич?

– Верочка! Здесь тебе не концертный зал. Зачем ты играешь, как Яша Хейфиц? Ты что, с ума сошла?

Верка огляделась по сторонам, ища объяснения. Но на всех окружающих её лицах был лишь вопрос. Она еле слышно переспросила:

– Как Яша Хейфиц?

– Конечно! Миленькая моя, ты – ярмарочная цыганка, а не маэстро! Что за концерт Паганини ты здесь устроила? Под такую музыку невозможно ни танцевать, ни смотреть спектакль! Под неё можно только летать.

– Но Виктор Эмильевич! Я ведь вам говорила, что не могу играть плохо!

– Боже тебя от этого сохрани, – вступил в разговор Корней Митрофанович. – Если ты начнёшь долбить смычком мимо нот, я этим смычком тебя отстегаю. Но ты должна играть так, чтоб музыка вписывалась в спектакль, а не захлёстывала его! Ты ведь так играла всегда. Что произошло? Почему Юля и Артур сейчас сбились с ритма?

– Да под такой ураган я бы сбился с ритма даже в постели, – не удержался Кремнёв. – А ты, Вероника?

Красавица секретарша скорчила рожу и высунула язык, давая этим понять, что истинная леди неподвижна. Всем стало очень смешно, кроме опозоренной Верки.

– То, что вы говорите, довольно странно, – пробормотала она, когда смех утих. – Но, может быть, я действительно ви-

новата? У меня твёрдое ощущение, что мне надо играть как в концертном зале! Я не могу его побороть. Вероятно, это – из-за того, что я сейчас в обуви, а не босиком, как обычно.

– Да что ты чушь-то несёшь? – вспылил режиссёр. – Ты на репетициях всегда в обуви! И в штанах! И в свитере!

– Да пусть снимет она ботинки, – сказал Никитин. – Её, возможно, действительно переключило из-за этого.

Попросив Тамару подержать скрипку и смычок, Верка наклонилась и сняла обувь, затем носки.

– Штанишки такженими, чтобы было ещё поменьше официальности, – предложил Кремнёв. Сверкнув на него глазами, Верка взяла у Тамары скрипку с её напарником, хорошенько сдвинула брови и заиграла. Виктор Эмильевич сразу остановил её:

– Стоп! Стоп! Стоп! Опять Паганини из тебя прёт! Ураган, шквал, смерч! Что с тобой такое сегодня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.